

ВАДИМ
КИРПИЧЕВ

ВЕЧНИК

Вадим Кирпичев

Вечник

«Издательские решения»

Кирпичев В.

Вечник / В. Кирпичев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983067-8

Мир разделен на Север и Юг, на Будущее и Настоящее. Стена Времен разъединила народы. Никому нет дела до других: все лихорадочно зарабатывают стэлсы. Живут, уткнувшись в экранчики своих спектров. Неуютно молодому монаху-вечнику Джагину в этом мире. Но еще не выцвели его юношеские мечты о звездном пути к Великому Пределу. Перед ним несокрушимая Стена Времен, но Джагрин должен попытаться ее уничтожить. А все, что есть у него, — немного вечности в душе да боевая секира монаха-вечника в руках.

ISBN 978-5-44-983067-8

© Кирпичев В.
© Издательские решения

Содержание

© Вадим Кирпичев	6
ВЕЧНИК	7
Часть I	8
ПРЕДЗНАНИЕ	9
Глава 1	9
КАРНАВАЛЬНЫЙ СПЕКТР СМЕРТИ	9
Глава 2	13
ЗОЛОТО И СЕРЕБРО	13
Глава 3	18
– ЭЙ!	18
Глава 4	21
ДЖАГРИ	21
Глава 5	27
МАШИНА СУДЬБЫ	27
Глава 6	34
ЛЕМСОНГ	34
Глава 7	39
АГЕНТ ЦАРСТВА МЕРТВЫХ	39
Глава 8	46
СЛУЖБА АРКИ	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Вечник

Вадим Кирпичев

© Вадим Кирпичев, 2020

ISBN 978-5-4498-3067-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

© Вадим Кирпичев

ВЕЧНИК

роман

Часть I

ПРЕДЗНАНИЕ

Глава 1

КАРНАВАЛЬНЫЙ СПЕКТР СМЕРТИ

Цок-цок-цок. Свет.

Тук-тук-тук.

Вспышка.

С тройной частотой характерный перестук, и в кадре ночной улицы, прямо по центру, свет раз за разом штамповал контур женской фигурки. Тишина. Нехорошая тишина окраины. Да мерные всполохи чудом уцелевшего светофора, без усталости чеканившие синие кадры ночи.

В кустах завозились. Донесся утробный вопль, визг, но все звуки кошачьего копошения перекрыло дребезжание рухнувшей крышки мусорного бака. Когда шум стих, ночью был взят иной тон – далекий, свистящий. Посвист приближался. Сквозь него пробивался гогот мужской компании.

Вспышка.

Цок-цок-цок.

Две полные луны фарами просвечивали массив трущобных четырехэтажек. Ни площадки света, ни огонька. В закопченных, темных домах никто не смел заявить о своем существовании. Оцепеневший, окраинный мир.

По другую, нежилую сторону улицы за разваленным рудничным забором громоздились в штабелях бревна. Лунный свет ледяной корочкой поблескивал на ошкуренных стволах. В приделах двойных теней, вдоль тротуара выстроились чахлые деревья. На дороге, в частых кратерах выбоин, каждый камешек был прорисован до черточки.

Гогот стал громче.

Тук-тук-тук.

Она не ускорила шаг. Над улицей, над всем этим убогим мирком с женской фигуркой в перспективе громоздился космос. Сверкая угольным блеском, вселенская бездна нависала над темными крышами.

Станным было это ночное небо. Две трети его, как положено, занимали яркие южные звезды, а вот в той стороне, откуда стучали каблучки... Откатили на роликах треть небес, и первозданный мрак разверзся в вышине. От горизонта до горизонта стоял он чернокаменной стеной, и даже прожектора двух лун не в силах были пробить ее.

Стена.

Стоит рухнуть, разлететься вдребезги каменной преграде, как сольются в контуры размытые тени, и клыкастые чудовища на неслышных перепончатых крыльях хлынут, обрушатся в мир, и змееподобные хрустальные твари с треугольными алыми глазами скользнут в узкие улочки.

Чу... тишина отступила в темень. И продолжалась странная игра: фигурка становилась видна лишь в голубых вспышках светофора. Да переключка света со стуком. Да нарастающий посвист вдалеке.

Свет.

Тук-тук-тук.

Никого.

Нет ни монстров, ни ящеров, ни тварей на перепончатых крыльях, а всего-то: на ночной улице фигурка молодой женщины с каменным небом за плечами.

Посвист двигателей усилился. На дороге закружили три световых пятна.

Тук-тук-тук.

До спасительной темноты, в которую лбом упирался последний неразбитый фонарь, – чуть.

Всполох.

Пятна света перестали кружить, выстроились поперек дороги и быстро приближались. Уже можно было различить хриплые голоса.

Вспышка.

Цок-цок-цок.

Три тяжелых аэра, сбросив ход, пылили прямо за спиной уходящей.

– Куда катим, красотка?

– А задница – мое почтение!

– Посмотри на нас, золотце! Не бойся, хо-хо, мы просто весельчаки.

– Да она стесняется!

– Представляю, сейчас повернется, а харя у нее будто у моей первой жены.

– Тогда, Чан, она не дура выпить.

Бородач с изуродованным лицом сделал глоток, повторил его, после чего запустил пивной банкой в уходящую. Расшвыривая в стороны пену, банка кувыркнулась над самым ее плечом.

Свет.

Тук-тук-тук.

Главарь, выделявшийся бумажно-белым цветом лица и тем, как он восседал за рулем центральной машины, кивнул пареньку с косой челкой. Тот бросил свой аэр поперек дороги. Весельчаки посыпали с седел.

Перестук каблучков оборвался.

Вспышка.

– М-м-а-моч-ка...

Аэр дал задний ход. Она повернулась к весельчакам. Шестеро стояли перед Смертью в приделах двойных теней, и невидимая им космическая бездна мерцала над буйными головами.

Хохотнув, бородач вытер рот:

– Вот дура, нацепила картонку. Испуга-а-ала, как же...

– Это просто карнавальная маска. Маски бояться не надо, – наставительно произнес главарь. В его руке лунным зайчиком посверкивало лезвие бритвы.

– Да уж больно маска жуткая, никогда такой не видел, – под общий гогот развел паренек руками.

– Ладно. Отойди.

Лезвие погасло. Главарь завожился с металлической бляхой на поясе. Затейливостью узора и размерами она не уступала щитам мифических героев Первого Юга.

Женщину в маске Смерти, стоящую перед бандитами, затрясло.

– Сейчас Блед ее побреет!

– Маску, маску только не снимай. Оставь для интереса!

– Давай, Блед, расцелуй эту дуру по-нашему, – подзадоривали весельчаки, предвкушая развлечение. Общее настроение не передалось только лысоватому толстенькому коротышке. Он подскочил к главарю и озабоченно забубнил:

– Ты на ее котлы глянь да на маску повнимательней: спектр это, Блед, карнавальный спектр. Служка нам попалась. Не трогай ты ее, Блед, пошли лучше сразу на север. На север – и дело с концом.

– Заткнись со своими советами! Служка? Ты знаешь, как их я люблю. Нет, такое мясо не упустим.

Главарь не спеша повторил свои манипуляции со «щитом» в обратном порядке. Если коротышка и уговорил Бледа, то лишь наполовину.

– Сегодня первым будешь ты. Давай.

Главарь вытолкнул вперед паренька. Тот с готовностью кивнул, отбросил косую челку, тут же упавшую на глаза, и, вытирая руки о штаны, двинулся к жертве.

Женщина пальчиком поправила на курносом носике маску Смерти, всю усыпанную лунными звездочками. Подтянула перчатки стального цвета. Ее уже не трясло.

Оставалось два шага. Шаг.

Резкий нырок вниз, подбить колени, швырнуть ее, подмять, навалиться всем телом на трепещущую под тобой от животного страха сучку. Не вперво-ой...

Дикий вопль хлестнул по нервам и захлебнулся. Обезумевшими глазами паренек уставился на кость, торчащую из его собственного плеча.

Смерть двигалась молниеносно. Блеск прута над головой – блок стальной перчатки. Звон. Глухой удар. И чавкающий звук – затылок бандита впечатался точно в острый угол бордюра. Хватаясь за разорванное горло, рухнул бородач. Четвертый весельчак успел пробежать несколько шагов и упал лицом вниз с ножом между лопаток.

Коротышка заверещал, набычился и с тесаком в руке да с лысиной наперевес бросился прямо на Смерть. Мелькнула удивленная физиономия главаря, явно не ожидавшего от дружка такой прыти, а толстячок в последний момент нырнул в сторону и со всего размаху плюхнулся в выгребную яму.

Смерть хищно развернулась.

Скалясь молодыми ядреными зубами, не уступая бледностью лица белому спектру Смерти, главарь ждал ее приближения. Молниеносный удар ногой, блеск в руке Бледа, треск – все слилось в одну вспышку. Маска еле успела отпрянуть от второй вспышки лезвия – этого мгновения главарю хватило. Блед прыгнул в седло и с места рванул в ночное небо.

Проведя рукой по голени, Смерть двумя резкими движениями вытерла кровь о платье, выхватила из сумочки сканфер и, рухнув на колено, открыла стрельбу по улетающей машине. Аэр уже уходил за верхушки деревьев, когда огонь стал беглым. Машину дернуло, повело в сторону, потом закрутило листом и швырнуло на столб. Разваливаясь прямо в воздухе, аэр рухнул вниз.

В прицеле сканфера прилизанные волосы главаря. Смерть целилась аккуратно в затылок. И опоздала. Рывок Бледа в одну сторону, скачок прицела в другую – она вцепилась в топливный бак. Фонтаном ударил вверх столб пламени, осветив огненно-зеленую листву деревьев и бандита, который откатывался за спасительные кусты. Тут же ударом ноги Маска столкнула мусорный бак в выгребную яму. В ответ – вопль, всхлип, и все стихло.

Из дамской сумочки появился зеленоватый пластырь, Смерть залепила им рану на ноге и шагнула в ближние заросли. Вернулась, ведя пальчиком за подбородок паренька. Тот семенит на коленях, волоча за собой сломанную руку. Зубы паренька стучали, он задыхался. Смерть задрала его восковое лицо вверх, внимательно посмотрела в глаза, потом ткнула ему в переносицу сканфер, и только взгляд мальчишки сосредоточился на оружии, легко тряхнула кистью левой руки, словно сбивала градусник. От удара стальных пальцев в висок паренек завалился без единого звука.

Язычки пламени плясали на догорающем аэре. Мерцала в вышине угольная космическая бездна, нависая над поселком в чахлах деревьях, над всем окраинным миром в изломах двойных теней.

Вспышка.

Но Смерти уже нет. Лишь мертвая тишина. И напрасно две полные луны заливали светом ночную улицу, зря частил светофор. Никого нет на дороге. Только четверка мертвых весельчаков лежала плечом к плечу на тротуаре, уставив остекленевшие глаза в звездное небо. Лица серьезные, поумневшие, словно только сейчас эти парни узнали о жизни что-то самое главное.

Тем временем Блед бежал между штабелями бревен. Дыхания не хватало, но он не останавливался. Наконец оглянулся, ухватился за грудь и перешел на шаг. Волчьи, узко посаженные глаза главаря сверкали в темноте двумя алыми точками.

Впереди и сзади – никого. Оторвался, решил он и остановился как вкопанный. Перед ним стояла Смерть и наводила сканфер прямо в лоб Бледу.

По-волчьи взыв, он бросился прочь. За спиной грохотали выстрелы. Зеленые молнии сканферных зарядов, рикошетируя от бревен, летели над головой. Не понимая, почему он до сих пор жив, Блед бежал и бежал, пока прямо перед ним не посыпались бревна. Один из стволов, наискосок завалившийся с небес, и оглушил Бледа.

Сперва он увидел ноги Смерти. Потом – стальные перчатки: она прятала сканфер в дамскую сумочку. Поднять взгляд выше он боялся. Боялся себя выдать. И умереть. А умирать он не собирался. Совсем наоборот, раз Смерть поверила, что его оглушило всерьез.

Животная радость согрела бандита от паха до груди – он заметил бритву. Посверкивая, она валялась в тени бревна рядом с каблуком его ботинка. Блед прикинул расстояние до Смерти. Пока не достать. Надо ждать. Пусть подойдет поближе.

И она услышала его молитвы. Смерть подтянула стальные перчатки и шагнула к нему.

Глава 2

ЗОЛОТО И СЕРЕБРО

Пылало Время. Огонь вихрями крутился на его кольцах, теребил за хвост, нырял под брюхо, налетал на чудовище стеной, но змей и не думал сдаваться. Двадцатиголовый Стеллос, бог Времени, выдувал из своих пастей клубящиеся струи огня, пламя схлестывалось с пламенем, сбивалось, стелилось над толпой и языками улетало в ночное небо.

– Дайте посмотреть, мне ничего не видно. Дайте посмотреть! Ну дайте...

На животике – маска морийского дракончика, пухлые ручонки задраны вверх: маленький мальчик канючил за спинами взрослых, но никто из стоявших вдоль балюстрады не обращал на него внимания.

– Дайте посмотреть, дайте посмотреть, ну дайте... ух ты!

Сильные руки подхватили карапуза, подняли над головами зевак, и сказочно прекрасный карнавальный мир миллионами своих волшебных огней вспыхнул перед глазами ребенка. Через фигурные просветы в резных пальмовых листьях было хорошо видно, как река праздничного шествия в берегах из огненных гирлянд выхлестывала на площадь, там ее поток раздваивался, обтекая Стеллоса. Оставив бога Времени умирать на очистительном огне, людской поток устремлялся дальше, где и пропадал за кронами деревьев.

Бум-бум-бум-бум.

Йозер Великий, грандиозных размеров стелло-полис, карнавалом отмечал праздник Двух Лун. И поэтому глаза слепило невиданное разноцветье огней от горизонта до горизонта, а слух тревожил неотвязный, грозный рокот барабанов.

Бум-бум-бум-бум.

Ударили пушки. Между зелеными, красными и фиолетовыми дымами мелькали: то танцовщицы в розовых шнурах вместо платьев, то жонглирующие факелами циркачи, то вдруг проплывала шестерка белых лошадей, управляемая чернокожей жрицей с точеной, обнаженной до пояса фигуркой.

– А почему жгут время? А нам время останется?

Мальчик задрыгал ногами, и молодой монах опустил ребенка.

Огонь на площади догорал, смотровая площадка вдоль белокаменной балюстрады ресторана опустела. Народ потянулся к столикам.

– А вдруг нам не хватит времени? Зачем его жгут? Я не хочу!

– Это сгорело старое время, прошедшее, – монах осторожно погладил детскую головку. – А теперь настанет новое время, хорошее. Тебе его хватит, поверь.

Мальчишке стало скучно.

– Хочу пить, хочу к бабушке.

Он отпустил монашескую куртку и убежал, а молодой монах остался одиноким наблюдателем у балюстрады. Проходившая внизу брюнеточка в кудряшках подняла голову вверх, распахнула курточку. Мелькнули смуглые обнаженные груди с ярко поблескивающими сосками. Украшать крохотными фонариками соски было модно в этом сезоне. Брюнеточка кокетливо улыбнулась монаху, но волосатая ручища тут же накрыла плечи смуглянки и утащила ее в толпу.

Бум-бум-бум.

Барабаны зачастили гуще, старательно поднимая температуру карнавала к градусу истеричного веселья, а то и легкого безумия. Близился главный момент празднества – стэлс Безвременья, когда ни за что не надо будет платить, и публика торопилась занять места у столиков.

Ударили пушки – прямо с небес. Подсвеченные прожекторами воздушные шары гигантскими тортами плыли в небе и швырялись фейерверками во все стороны. Огненный дождь вспыхивал над толпой, чертил наискосок в сторону двух полных лун, летел напрямик в звездное, без единого облачка небо.

На каждую вспышку толпа отвечала гулом, дети тянули ручки к падающим звездам, и только молодой монах, усевшийся за самый дальний от балюстрады столик, не любовался зрелищем, он отвернулся в сторону гор. Заснеженная гряда Норта Верде холодной угрозой нависала над древней столицей Второго Юга. Норта Верде – страна вечных льдов, с золотым шариком станции космического слежения на самой высокой вершине.

Монах сидел один. Может быть, благодаря одиночеству он видел ту невысказанную зачарованность, которой дышало сочетание праздничного, бурлящего жизнью карнавального мира и ледяного космоса гор, затаенного в темноте.

Вдруг все мужские головы на ресторанной террасе, как по команде, повернулись к мраморной лестнице. Со стороны парка спускались две длинноногие карнавальные дивы в открытых костюмах богинь Первого Юга. Одна из богинь была ослепительной блондинкой, волосы второй горели чистым золотом. Свободный столик они выбрали за спиной монаха.

Общее внимание привлекала блондинка. Она была настолько красивой, что на нее было больно смотреть. Но смельчаки нашлись. К девушкам сразу подсели двое парней в цветастых рубашках, и мужские головы приняли прежние направления.

От картины заснеженных гор Норта Верде молодой монах оторвался, когда за его спиной стали разговаривать на повышенных тонах.

Спорили блондинка и бровастый здоровяк, один из смельчаков, выглядевший этаким свитым из мускулов бочонком. Она что-то зло говорила бровастому в лицо, а тот выворачивал ей руку. Бровастый строил невозмутимую улыбочку, но раскалившиеся глазки-гвоздики выдавали его бешенство. Дружок здоровяка был патлат, сутул, вял и опасен. За его взгляд вообще нельзя было зацепиться, но монах к этому и не стремился. Он наблюдал за манипуляциями сутулого.

Патлатый осторожно, буквально не дыша, открывал под столом картонный коробок. Ядовито-зеленого цвета жук бешено замолотил по воздуху своими острыми, как лезвия, лапками, а патлатый, крепко держа его за панцирь, любовался морийской тварью. Коринтас. Жук-татуировщик. Стоит такого швырнуть в лицо, и синюшная печать гарантирована на всю оставшуюся жизнь. Именно коринтасом подростковые банды Черного квадрата клеймили свои жертвы.

Вырвав наконец руку из лапицы бровастого, блондинка вызывающе захохотала ему в лицо. Оно пошло пятнами. Улыбочки бровастого – как не бывало. Казалось, он сейчас бросится на девушку, но тут раздался жалобный вопль:

– Проклятье! Тебе жить надоело, монах?

Потирая локоть, патлатый с ненавистью смотрел на служителя господ. Никто, кроме них двоих, не понял, что легкий треск – это и был коринтас под грубым монашеским каблуком.

– Простите меня, сын мой. Видно, я недостаточно ловко зашиб вас, – ласково пропел монах. И совсем другим, грубым, как дерюга его куртки, голосом добавил: – А теперь пошли отсюда вон. Оба. И быстро.

– Что? Кто это там скулит?

Бровастый повел богатырскими плечищами, обернулся. Накатанные мышцы шеи залились в камень, глаза – в щелочки. Увидев монаха, заскучал.

– Вали, преподобный, от греха подальше, – сказал он, а когда до него дошла собственная острота – захохотал.

– В последний раз повторяю: пошли вон отсюда. Оба.

Интонации молодого человека были прежние, далеко не монашеские. Здоровяк поднялся.

– Ну, ты сам этого захотел.

– Врежь ему, Мятый, врежь! Ну врежь!

Сутулый дружок его буквально подпрыгивал на месте, показывая, как бы он сам это сделал.

За соседними столиками стали оборачиваться. Кое-кто поспешил отойти в сторону, а девушки и не думали уходить. Они с откровенным любопытством ждали, чем все закончится.

Обходить стол? Зачем! С невероятной для его туши легкостью бровастый махнул прямо через него, но монах уже исчез. Дерюга с треском полетела на пол, и, выйдя из вихревого пируэта, бровастого встретил, прилаживая на темные волосы фуражку, визкап полиции.

Офицер швырнул любителей цветастых рубашек к плоскому гранитному камню – одному из тех, что украшали террасу, – заставил упереться в него руками, широко расставить ноги, считал стэлсы, сноровисто обыскал, после чего под общее улюлюканье и свист спустил с лестницы. Громче всех свистела забравшаяся в кресло с ногами блондинка.

Тряся кулачком, патлатый еще что-то кричал с нижних ступенек, явно угрожая, но барабаны ударили сильнее, и дружок поспешил вдернуть его в карнавальным водоворот.

Девушки переглянулись. Блондинка медленно вытянула свою безукоризненную ногу и, зацепив носочком ажурной туфельки кресло, толкнула его к офицеру.

– Давай, визкап, причаливай, только не воображай, что спас нас. С нами никогда и ничего не случается.

Под ногой блондинки как раз виднелось темное пятнышко – все, что осталось от раздавленного жука-коринтаса, – но молодой человек промолчал и повернулся, чтобы уйти.

– Постойте, офицер.

Золотоволосая девушка живо поднялась, взяла его за руку, и тут свершилось маленькое чудо. До этого мгновения она была в невидимой тени своей ослепительной белокурой подружки, но стоило ей сделать одно-единственное движение, чуть улыбнуться, как блондинка застыла, словно манекен за пыльным витринным стеклом.

– Прошу вас, садитесь. Вы ведь не оставите нас без защиты?

Девушка улыбнулась доброй королевой, и офицер покорно, как зачарованный, сел в кресло. С такой улыбкой она имела право повелевать.

На столике появились три бокала с ярким рубиновым напитком. Золотоволосая незнакомка, опередив офицера, прикоснулась своими изящными стэлсами к голубому фонарику в центре стола, и тот погас. Счет был оплачен. Девушка явно не собиралась ждать, пока оставшиеся считанные мгновения дохромают до стэлса Безвременья и когда уже не придется платить. Судя по ее порывистым движениям, она не любила ждать.

Зазвенели бокалы, и она спросила:

– Как вас зовут, офицер?

– Визкап полиции Бруно Джагрин.

– А нас...

Договорить ей не удалось. Мир задрожал до самых основ. Канонада фейерверка загромыкала с новой силой. Вся громада Йозера Великого завулканировала разноцветными огнями.

Огни летели наискосок вверх, падали с небес с воздушных шаров, расцветчивали горизонты. Ресторанный пол качнуло – так охнула утробно многомиллионная толпа, увидев, как большая из двух лун украсилась разноцветными вспышками. Это было приветствие из космоса.

Стэлс Безвременья начался.

– Феста, Феста, Феста, – звучало на разные голоса. Все лица были обращены к желтой луне в короне из фейерверков. И тут же столики стали заполняться бокалами, блюдами, хрусталем – начинался самый долгожданный стэлс карнавала. Время было отменено, и шум стоял невообразимый.

Золотоволосая что-то кричала, показывая то на себя, то на подружку, ушедшую любоваться космическим фейерверком к балюстраде, но разобрать нельзя было ни слова.

– Что? Не слышу.

– Вы поняли, как нас зовут?

Шум начал стихать.

– Нет. Но я уже дал вам имена.

– Интересно, какие?

Убедившись, что блондинка далеко, Бруно наклонился к золотоволосой девушке. Глаза ее тоже были золотистыми, по моде сезона, но с оттенком солнечного золота.

– Золото и Серебро.

На миг девушка закрыла свое лицо маской-спектром. Надменный лик богини Первого Юга мелькнул перед молодым человеком и исчез.

– Карнавальные маски у нас есть. Теперь будут и имена-маски. Золото и Серебро – мне нравится, но... – она приложила палец к губам и еле заметно кивнула в сторону блондинки, которую молодой офицер назвал Серебром. Та с бокалом в руке возвращалась к столику.

Бруно стал складывать куртку монаха, чтобы спрятать ее в котомку.

– Так какой из ваших костюмов карнавальный? Полицейского? Монаха?

– Оба настоящие.

– А это что? – Золото ткнула пальчиком в желтую секирку, вышитую на монашеской робе прямо напротив сердца.

– Знак монаха-вечника. Только что закончилось мое последнее полицейское дежурство, и с этого стэлся я наконец-то могу стать монахом. Этого момента я ждал целых два года. Можно сказать, сбывается моя мечта. Испытательный срок в миру истек, завтра пишу рапорт и возвращаюсь в Джампилангр давать обет, а сюда вернусь уже проповедником.

– Жаль, мундир вам больше к лицу. Нет – к глазам. Я сразу заметила, что глаза у вас интересные, необычные. Говорят, у меня абсолютный взгляд на такие вещи. А Джампилангр – это где?

– Боюсь, вам это неинтересно.

– Не обижайтесь, Бруно. Здесь юг Юга, здесь все заняты только собой, а многие и вообще думают, что мир заканчивается за стенами Йозера Великого. Джампилангр, что это? Мне действительно интересно.

– Одна из семи древних столиц Восточного архипелага. Там я прошел обучение в Храме Вечности. Моя специальность звучит довольно внушительно: «Храмостроитель-проповедник восточных территорий, архипелагов и всего Юга». Плюс пять дипломов к ней, из которых два гражданских.

– Санфар меня раздери! – Серебро, до этого спокойно курившая змейку, вдруг резко хохотнула и со стуком поставила бокал на столик. – Тут бы один получить.

Она повернулась к Бруно, и он впервые заметил, насколько бесцветны ее глаза. Их просто не было. Такими пустыми глазницами могла на него смотреть мраморная богиня, украшающая площадь тысячи лет тому назад затонувшего города.

Затянувшись, Серебро спросила:

– А как ты вообще попал в наш ухоженный вертеп, монах? Что ты тут ищешь?

У блондинки явно был особый талант. Она умудрилась задать Бруно самые неприятные для него вопросы.

– Что замолчал, монах?

– Хорошо. Отвечу так: наставник решил, что я не готов к труду проповеди Вечности и положил мне два года испытаний. Я выбрал работу полицейского. Своеобразный пост духа. Теперь срок истек, и я возвращаюсь в монахи-вечники.

– Постники, вечники – бред какой-то. – Серебро решительно загасила змейку. – Надоело. Люди развлекаются, народ валит на вертикалку, а мы? Не понимаю, что вообще можно проповедовать в век биокомов?

– То, что монахи-вечники проповедуют уже восемь тысяч лет – идею Вечности. Время не должно разделять людей. Мир, разделенный стенами времени, всегда в шаге от гибели. Вечники и должны найти слова, которые сокрушат эти стены.

– Словами? Стены? Еще один болтун. Господи, как все они надоели.

– Но разделенный мир несправедлив. Его надо изменить.

Закурив очередную змейку, Серебро выдохнула дым в лицо офицеру.

– Мальчик, а у тебя хватит силенок?

– Не надо так, – Золото поспешила положить руку на плечо подружки, – а то наш бравый офицер пожалеет, что спасал нас.

– Плевать. Сегодня карнавал, я развлекаться хочу, а не трепаться. Меня уже тошнит от вашей болтовни и от сопляков, в уютных ресторанах и барах перестраивающих миры.

– Зачем ты так? Вдруг у Бруно получится.

– Ха! – блондинка хохотнула. Затем выгнулась молодым сильным телом, наклонилась к офицеру и постучала пальчиком по плоской гранитной плите за его спиной. Пустые безумные глазницы красавицы смотрели в упор.

– Запомни, мальчик, наш мир сделан из дерьма, но дерьмо это – из гранита. И ни монахам, ни полицейским его не перешибить. Понятно? А я еще думала взять тебя на вертикальный стадион. Пошли!

Ухватив подругу за руку, она резко встала. Золото помедлила, а затем, извинившись улыбкой, поднялась следом.

Две карнавальные богини, ночные дивы, от красоты которых слепли глаза, шагали к выходу, но – редкий случай – никто не смотрел им вслед. Все посетители ресторанной террасы повернулись к молодому офицеру.

Глава 3

– Эй!

Поза изломана – длинноногая птица, танцующая на древней гравюре. Башмак пошел вверх, словно собираясь расколоть сферу звездного неба, на миг офицер замер в вертикальном шпагате. Новый излом. Контур леопарда, застывшего на задних лапах. Во всей фигуре чувствовалось страшное напряжение.

Вдруг теневой промельк, блеск черной молнии, глухой звук, и все закончилось. Большинство из присутствующих на ресторанной веранде даже не успели сообразить, что произошло. И только когда Бруно носком ботинка этак легонько толкнул гранитную плиту и та с грохотом развалилась, стало ясно: только что офицер одним ударом руки расколол ее на две части.

За столиками зааплодировали. Но аплодисменты были не последней наградой bravому офицеру от южной ночи.

Карнавал Двух Лун безумствовал.

Пряные запахи субтропических растений, нестерпимая дробь барабанов, шум трещоток, заставляющий орать соседу в ухо, улыбки незнакомых лиц, мельканье обнаженной плоти, летящие над головой огни – все это заставляло трепетать каждую клеточку во всех миллионах тел, вовлеченных в карнавальную огневорот. И перед каждым из шагающих в толпе плыла невидимкой юная карнавальная богиня, прекрасная южная ночь, и манила шалой улыбкой, и звала за собой.

На золотых кудрях лихо заломлена офицерская фуражка. Через плечо блондинки переброшена монашеская котомка. Две красавицы, осанке и красоте которых позавидовали бы и настоящие богини Первого Юга, подхватив нашего офицера под руки, конвоировали его Карнавальным бульваром в сторону вертикального стадиона, две раковины которого громоздились в звездное небо, приготовившись зацепить своими верхушками большую из лун, Фесту. Сооружение было настолько грандиозным, что по мере приближения оно просто пропадало в недостижимой высоте.

Нескончаемый праздничный людской поток перед стадионом разбивался на сотни ручейков и по широким лестницам устремлялся вверх. Туда, под тяжелые древние колонны, по капризу архитектора украсившие входы на ультрасовременный вертикальный стадион.

За колоннами человеческие фигурки исчезали в раздевалках. Из кабинок они появлялись в полупрозрачных разноцветных комбинезонах и вновь одним руслом втягивались в спирали стадионных раковин.

До лестниц, ведущих в темноту древних колонн, было рукой подать.

– Привет, Долло!

Серебро замахала кому-то рукой. Тут же серебряный дождь обсыпал их из хлопущки, и к ним подлетело совершенно диковинное создание в блестках и перьях.

– Приветик, дорогая! Приветик, солнышко! Какой у вас офицерик милый. Только серьезный. Мне нравится. Возьмите меня с собой.

Говорила Долло на отрывистом, птичьим языке фано. На шее у нее болталась карнавальная спектр-маска.

– А ты сегодня женщина или мужчина? – спросила Серебро.

Созданице кокетливо скосило глазки.

– А-а. Интересно? Не скажу. Пусть будет сюрпризом. Но это – особенное. Знаешь, у меня там...

Подхватив Серебро под руку, Долло потащила ее в сторону и стала что-то рассказывать, энергично жестикулируя. К удивлению молодого человека, Серебро от души захохотала. Белокурая богиня оказалась не такой уж и каменной.

– По-моему, офицер, вы испугались Долло. Угадала?

Барабаны стихли, и Золоту уже не пришлось кричать.

– Есть немного. Я ведь не искатель наслаждений.

– Может, вы и на вертикалке ни разу не были?

– Представьте себе. Только рекламу видел: «индивидуальная установка глубины наслаждения», «оптимальный баланс гормонов», «сумма древних инстинктов и новейших биотехнологий», «ворота в счастье» и все такое.

– Это слова. А когда сливаешься с миллионами тел... такое можно лишь прочувствовать самому. Именно вертикалка помогла мне понять себя. Настоящую. Не боитесь узнать о себе правду, храбрый офицер? Правду о своих истинных желаниях?

– С вами – нет.

Молодые люди переглянулись. Может быть, Бруно выдал желаемое за действительное, но ему показалось, что в этот миг Золото хочет того же, что и он: быть рядом друг с другом.

– И со мной готовы идти куда угодно?

– Да.

– А ваши монашеские запреты? Осуждения искателей наслаждений?

– Все это есть. Но Книга Вечности учит: «Хаживайте по всем дорогам, но всегда возвращайтесь на путь добра».

– Я вижу, у вас оправдание всегда в кармане. С таким учением, наверное, трудно стать грешником. Ловко.

– Да, у монахов-вечников большой опыт.

– Похоже, что мы вас возьмем не только на вертикалку. А нам есть что предложить. Поверьте. Мы ведь не такие простые девушки, как может показаться.

Последние слова Золото произнесла, смеясь. Молодой человек ответил со всей серьезностью:

– Знаю. Я почему-то не могу заглянуть ни в ваше будущее, ни в будущее Серебра. Со мной такое случается впервые.

Странной была реакция Золота на слова визкапа. Вопреки ожиданиям, они не заинтриговали ее, а напугали. Улыбка доброй королевы исчезла.

Не понимая причины перемен в лице девушки, Бруно торопливо продолжил:

– За столиком я не успел все рассказать. Юг Юга – универсальное испытание, и, помимо прочего, я прибыл в Йозер Великий проверить себя как специалиста по будущему, а если точнее, проверить свои знания некоторых его аспектов.

Девушка совсем отвернулась. Тема будущего, похоже, интересовала Золото менее всего. Спасла ее Долло.

– Аспекты будущего! – незаметно подкравшаяся карнавальная штучка в перьях подхватила офицера под руку. – Каково! Я, может быть, не специалист по всему будущему, но на одну ночь всегда предсказываю точно. Офицерик, эту ночь ты монахом не закончишь!

Три шага.

Всего три шага оставалось сделать молодому человеку до ступенек, ведущих под древние колонны.

Три мгновенья. Один вдох. И незаметной искрой грандиозного фейерверка, расцвечивающего звездное небо, сгинул бы наш визкап в толпе искателей наслаждений. Навсегда пропал бы в общей толчее с неразличимым среди прочих лицом.

Однако случаются порой счастливые состояния души. Тогда верные решения принимаются сами собой. Тогда человек идет наперекор общему потоку, издает клич и кричит «Эй!»

судьбе, которая уже приготовилась заманить его в Никуда своей цветастой и бессмысленной мишурой.

– Эй! – крикнул Бруно и помахал рукой молодому круглолицему полицейскому. Сбегая по ступенькам, тот пробивался навстречу шествию.

– Ой! Давайте подберем и этого офицера! – захлопала в ладоши Долло.

– Не получится, Осис на дежурстве. Только с ним что-то случилось. – Бруно пояснил девушкам: – Не поверите, но он главный весельчак нашего отряда.

С перекошенным лицом и выпученными глазами «главный весельчак» подлетел к компании. Всерьез козырнул на шутовское отдавание чести Золотом.

– Как хорошо, что я тебя встретил, Бруно. Там, – Осис показал в направлении, откуда напирал карнавалый поток, – там произошло такое! Там консульского тигра Севера...

Осис оттащил друга в сторону и стал что-то быстро и горячо рассказывать. Лицо Бруно серьезнело на глазах.

Когда он вернулся, Золото спросила:

– Ваша полицейская служба не закончилась, не так ли?

– Да. Похоже, произошло что-то действительно серьезное. Я должен идти.

– Тогда до свидания, офицер. Золотоглазая девушка не уходила – ждала, и Бруно показалось, что ждет она обмена биокомовскими адресами.

Одно прикосновение стальных офицерских стэлсов к стэлсам золотым, изящным. Один решительный жест, и они никогда не потеряют друг друга в миллионной толпе. С какой легкостью это движение руки сделал бы тот же Осис, любой нормальный южанин, а Бруно все стоял, не зная: имеет ли он право обещать, если завтра их будет разделять полматерика.

– Ты скоро, Бруно?

Осис уходил – надо было торопиться.

Молодой человек сделал нечеловеческое усилие, но его хватило только на прощальный жест руки. Золото ответила улыбкой доброй королевы. Миг – и солнечной искрой она исчезла в праздничном огневороте. Проклиная и себя и все на свете, наш визкап бросился догонять товарища. Безоглядная уверенность молодости твердила Бруно: ты умнее своих надежд, твои расчеты сильнее судьбы! Но при всей расчетливости планов каким он все-таки чувствовал себя дураком

Две настоящие богини, владычицы праздничного мира, стояли под древними колоннами. Ни тени улыбки не было на их прекрасных лицах.

– Зачем тебе понадобился этот мальчишка? – спросила белокурая богиня. – Впрочем, можешь не говорить, я и так знаю. Или тут что-то еще?

Она изучающе наставила пустоту своих глаз на золотоволосую подругу. Та зачарованно смотрела на карнавальное шествие, змеившееся огненным Стэллосом далеко внизу. Ответила не сразу.

– Мне жаль его. И только.

– Хорошо. Тогда я тебе его дарю. Только помни, подарок этот не навсегда.

– Я запомню.

– Вот и хорошо.

Резким движением белокурая богиня запустила недокуренную змейку в небеса, где она рассыпалась на сотни тут же погасших звездочек.

Две владычицы ночного мира переглянулись. Взялись за руки. И устремились сквозь темноту колонн прямо в небо, туда, где огненные спирали стадиона вели дальше, чем сами звезды.

Глава 4

ДЖАГРИ

Верни на место челюсть, – проронил Бруно. Как ни был Осис озабочен, он еще несколько раз оборачивался, пытаясь рассмотреть упорхнувших красавиц. И каждый раз не без удивления поглядывал на товарища.

– Ты безнадежен, Бруно. Правильно. Пора тебе в монахи. Вертикалку с такими девчонками я бы не променял и на тысячу дохлых тигров.

– Нет там никакого тигра. Тебя разыграли. Хатусконского тигра убить невозможно. Точнее – здесь такое просто некому сделать.

Визкап ловко увернулся от сетей карнавальных нимф и заставил друга повторить сей маневр. Пока они шли навстречу шествию, надо было смотреть в оба.

– Некому? Розыгрыш, значит? Как я сразу не догадался. Это ведь карнавальная шутка. Какой-то забавник просто нацепил костюм тигра и прикинулся веселеньким трупом. Смешно.

– Но и на юге Юга нацепить мундир тигра не очень-то умно. Да, почему ты не сообщил в штаб?

– Сообщил. Потребовал машину. Только дежурный не поверил. Посоветовал пойти принюхаться к телу. Мол, «мертвый тигр» наверняка скоро протрезвеет и начнет орать песни.

– Так и будет.

– Бруно, мне Семирамий доложил.

– Семирамий? Странно. Все равно. Тигра убить невозможно.

– Тогда почему ты рванул за мной?

Осис резко свернул на лестницу белого камня.

Показалась знакомая ресторанная балюстрада, и почти сразу – столик, за которым еще недавно наш визкап сидел с карнавальными дивами. Расколотую плиту уже убрали.

Мысли Бруно занимал «убитый» тигр, но, несмотря на это, по самому краю сознания мелькнуло: странная компания подобралась на ресторанной террасе карнальной ночью. Словно некий тайный сговор посадил сегодня за один столик специалиста по будущему, двух богинь с будущим закрытым, и всех их одарил неординарными глазами.

Терраса ресторана осталась далеко внизу. Широкой пустынной аллеей, забирающей вверх и влево, полицейские шагали темным парком в сторону транспортной площадки. Наверняка это было случайностью, но их путь в точности повторял путь Золота и Серебра, только в обратном направлении.

– Тигра убить невозможно, – подвел наконец Бруно итог своим размышлениям, – невозможно.

– Тебя послушать, так эти зверюги какие-то бессмертные. Убить можно любого. Вдруг молодежная банда из Черного квадрата забрела? Двулуние. Соплячье сейчас бешеное.

– О чем ты говоришь! Банда... Тигр не стал бы и меч доставать. Такому стоит рявкнуть, и вся банда в штаны наделает. Тигры – это имперская гвардия Хатускона, прирожденные убийцы с имплантированным тысячелетним опытом боев. Они в материковой мории выживают, а на это вообще не способен никто. У нас на архипелаге за сотни лет еще ни разу не удавалось застать тигра врасплох. Какие только засады ни устраивали – бесполезно. Не работают против них засады, поэтому на наши селения и крепости они всегда нападают внезапно. Годы и десятки жизней лучших бойцов надо положить, чтобы убить хотя бы одного из них. А ты – банда...

Лукавая улыбка вернулась на лицо Осиса. Он снял фуражку, почесал затылок и выдал привычное:

– Ничего, забег покажет.

Осис был игрок, играл на скачках и на все случаи будущего и настоящего имел в запасе две фразы: «Ничего, забег покажет, что моя кобылка самая шустрая» – о будущем и «Гляди, как не свезло моей кобылке» – о настоящем.

Проигрывал он почти всегда, но задора не терял, в ожидании награды от судьбы за свои неудачи. В сокращенном варианте – «ничего, забег покажет», «гляди, как не свезло» – фразы Осиса вошли в золотой фонд всех полицейских острословов.

Преодолев подъем, дорожка вывела офицеров в старую часть ландшафтного парка.

Широкие аллеи, просторные квадраты газонов, четкая геометрия планировки – перед ними был строгий парк эпохи строительства Стены и уничтожения остатков мории. Тогда не допускалось и намека на хаос.

Парк был пуст. Мест уединения в нем не предусмотрели, и участников карнавала ночь заманила в новые многочисленные скверы и висячие парки возле стадиона, полные укромных уголков. Верхний участок парка Бруно знал очень хорошо. Скоро покажется транспортная площадка, закрытая на время стэлса Безвременья, за ней – район лимонных дворцов. Это там.

Внимательно вглядываясь в темноту, Осис расстегнул кобуру, достал сканфер, но, посмотрев на товарища, убрал его. Заговорил почти шепотом:

– Я знаю, кто может убить тигра, – это шарг. Разве четырехрукий шарг не управился бы с хатусконцем?

– Шарг? Шарг управился бы. От четырехруких обезьян и джагрины держатся подальше. Только откуда он здесь? Прилетел из Настоящего? Но я ничего не слышал о летающих шаргах. Тигр мог убить только...

Офицеры вышли из парка. Сброшенную каменную вазу увидели одновременно. С человеческого рост, она лежала поперек дороги. Ее напарница осталась стоять, где ей и было положено – на гранитном кубе у въезда на территорию дворца.

Возле соседней усадьбы, с крылатыми драконами на воротах, офицеры заметили сломанное деревце, свернули за угол и увидели его.

Тигр был настоящий. Матерый, громадный – самый настоящий тигр. Вцепившись скрюченными пальцами левой руки в вывороченную из тротуара плиту, он лежал, прижимаясь ухом к камню. Словно прислушивался.

Пятнистая боевая форма. Стальные шипастые цепи за заслуги. Меч, который так и остался в ножнах. Этого не могло быть, но тем не менее здесь, в сердце изнеженного Юга, лежал убитый хатусконский тигр.

Убедившись, что воин Севера мертв, Осис только и сказал:

– Гляди, как не свезло его кобылке.

Бруно огляделся. На фоне ледяных гор – картонные контуры крон и дворцов. Древняя брусчатка мостовой в свете двух лун отликает латами мертвого богатыря.

Затрещали кусты.

Сквозь ветки пробиралось черное чудовище, громадное и квадратное, словно шарг, но с двумя руками. Это был Семирамий, бридар полиции. Не спеша, толково Семирамий доложил обстановку.

Рывком приподняв плечо тигра, Бруно стал рассматривать нашивки и знаки отличия.

– Ветеран. Десятый легион. Не просто гвардия – элита гвардии. Из охраны консула Севера. В чине копыеносца. Семь ранений. Пять цепей за заслуги. Это же сколько надо зарезать народу, чтобы все это заслужить?

Бегом Бруно вернулся к поваленной вазе, от нее поспешил к снесенному деревцу, возле которого что-то долго рассматривал в траве. Потом вновь склонился над тигром.

– Не увлекайся, – подергал его друг за рукав. – Не нашего ума это дело. Согласно инструкции, мы должны вызвать консульство, сообщить дежурному, в Службу и охранять место происшествия. Все. Без нас разберутся, с кем тигр дрался.

– В том-то и дело, что не было здесь никакой драки, – ответил Бруно. Говорил он возбужденно.

– Это как?

– Били его. Тигра просто били! А он убегал. Смотри: ремонтные шипы, меч, сканфер, морийские иглы – все оружие на месте. Он его даже в ход не пустил. Лихо! Тут надо все осмотреть.

– Хватит, Бруно, хватит! Хочешь в последнее дежурство доиграться до трибунала? Давай вызывай Службу. Не шути с политикой. Я сам не люблю межевиков, но это их дело.

Он резко развернул Бруно к себе, а друг с той же резкостью убрал его руку.

– Отставить, младший вицер! Ты знаешь, что будет с убившими тигра? По договору их обязаны выдать Северу, а фактически – тиграм. Хочешь знать, что делают тигры со своими жертвами?

– Не знаю и знать не хочу.

– Им рубят ноги, руки, вырывают язык, глаза, отрезают уши, сажают на цепь, и только через несколько лет, в виде милости к этим слепым и глухим обрубкам, с них заживо сдирают кожу. Ты этого хочешь?

– Здесь Юг, Бруно, здесь все надо делать по закону.

– Не понимаю. – Бруно снова склонился над тигром. – Совсем ничего не понимаю. Ну и ночь сегодня.

– О чем ты?

– Я всегда считал, что тигра может убить только Вечник, настоящий Вечник с мощным джагри, да и то – на пределе сил. А тут – избиение.

– Но если этот хваленый Вечник такой шустрый, что ты так хлопчешь? Ему тогда и Служба нипочем.

– Увы. По преданию, Вечник беззащитен перед своими. Джагри порой не видит, что творится у него за спиной.

– Стоп! Не трогай карманы. Если ты начнешь обыскивать тигра, трибунала не избежать. Хватит, Бруно. Все надо делать по инструкции – вызывай Службу! Не заставляй нас свидетельствовать против тебя.

– погоди, тут кое-что интересное.

– Не знаю я ничего о джагри, но, как отец девочек-близняшек, могу точно предсказать твое будущее и без всяких восточных штучек. Если тронешь вещдоки, то скрутят тебя межевиками как миленюго и пойдешь ты под трибунал, а потом и на морийскую каторгу.

– Подумаешь!

– Таким легкомысленным я тебя еще не видел.

– Я сегодня счастлив.

– Не вовремя. Как отец девочек-близняшек, я знаю: стоит решить, что ты ухватил счастье за хвост, как сразу...

«Как отец девочек-близняшек» – это был осисовский перл, может быть, его лучший взнос в набор крылатых фраз полицейского сектора. Продолжение Бруно знал наизусть и потому слушал вполуха.

В одном друг не ошибался. Здесь развилка. Неверный выбор пути может погубить все планы. Надо решать. И решать наверняка.

Бруно встал на голову.

Из темноты, словно из шкафа, вышагнул Семирамий. С лицом серьезным, как ангарный замок, он принялся изучать качающиеся в воздухе командирские башмаки.

– В чем дело, бридар? – Брови Осиса высокомерно поднялись. – Никогда не видели, как старший по званию принимает решение?

– Так точно. Видел.

– Так в чем же дело?

– Так точно, гозт младший вицер.

И еще медленнее, чем обычно, хотя это казалось невозможным, Семирамий снова задвинулся в темноту. Осису только и оставалось, что рассматривать ботинки друга. Выражение его лица было самое скептическое (ведь у Осиса сложилось определенное отношение к чувствам друга).

Не раз Бруно пытался ему объяснять суть джагри или д-знания, как его называли на Юге. Мол, джагри – способ ходить мимо смерти. Указчик безопасного пути. Ведание смертельного будущего.

Все – бесполезно. Осис не хотел и слушать. Как игрок и специалист по кобылкам, он знал всю болотную зыбкость грядущего, а как отец, мечтавший о сыне, а получивший девочек-близняшек, – всю тщету человеческих ожиданий.

Наконец Бруно вернулся в нормальное положение и отряхнул ладони.

– Ну, что там твое джагри наворожило?

– Все будет в порядке, оно молчит.

Визкап начал обыскивать тигра.

– Точно?

– Джагри не дает гарантий. По этому поводу еще три тысячи лет назад был написан классический ученый трактат «Об обманной природе джагри, гадания, ворожбы и всяческого предзнания вообще». Любопытный, кстати, опус, в нем доказывалось...

Излагая идеи трактата, Бруно споро выворачивал карманы тигра, исследовал раны и особенно внимательно изучал его руки. Правую, со скрюченными пальцами, в смертельном напряжении вцепившуюся в плиту, он не тронул, а из левой вытащил длинную прядь волос. Они были темные и прямые.

– Вот кто убил тигра. И это не шарг.

С этими словами Бруно уложил прядь в белый конверт, а последний – в свой карман. Осис, успевший рассмотреть единственную улику, сказал:

– Похоже, ты прав: это работа человека. У шарга шерсть кучерявая, короткая, да и цвет с рыжиной. Ладно. Скорее вызывай Службу. И мой тебе совет: когда эти «столбы» поналетят, постарайся побыстрее сбросить им конверт. Здесь твой единственный шанс.

Оперативность Службы Арки вошла в легенды, и все-таки полицейским стало не по себе. Только Бруно прервал связь, как по звездам прочертила тень, и прямо с неба черная машина межевиков упала на дорогу. И тут же три легких автоэра сели рядом, словно дожидались вызова за близкими крышами.

– Эх, какие машинки! Все из ряда «серебряный демон».

Осис вздохнул. Полицейским аэры не полагались, а летающие машины были одной из трех главных страстей Осиса.

Парочка тяжелых грузовых автоэров, проутюжив верхушки деревьев, плавно опустились на дорогу. Деревья закачались из стороны в сторону, они уже не казались картонными.

С машин посыпались черные мундиры межевиков, «столбов», как их не без зависти называли полицейские. В миг место происшествия отгородили лентами, установили прожекторы, а чуть в стороне уже надували палатку мобильного штаба, размерами мало чем уступающую соседним дворцам.

Чересчур быстро заявила Служба, мелькнула у Бруно мысль и тут же сменилась главной заботой.

Сжимая в кулаке конверт, Бруно высматривал среди снующей Службы старшего офицера. Время торопило. Надо отдать конверт до прибытия северян. Иначе – трибунал. Ведь он нарушил закон дважды: вмешался в прерогативы самой Службы – только она имела право расследовать преступления такого уровня. Плюс – тронул вещдоки до прибытия представителей Северного консульства, а по договору между Севером и Югом все правонарушения против хатусконцев должны были расследоваться исключительно совместно.

За себя Бруно особо не боялся – джагри молчало, но уж если рискнул каторгой, то хотелось наверняка помочь неизвестному победителю тигра-людоеда. Конверт должен попасть только к своим.

Промелькнул нобиль, да так быстро, что Бруно его нагнал только у самого входа в шатер. На обращение нобиль что-то рыкнул и исчез за пологом. Наш визкап попытался нырнуть следом, но налетел на стальной щит, который одним толчком выбросил его обратно на улицу. «Щитом» оказалась грудь рослого визкапа Службы. Ростом гигант со стальной грудью был под два стэlsa.

– Гозт визкап, разрешите обратиться! У меня важное дело.

Не уступая Семирамию в медлительности, гигант наклонил голову в сторону Бруно. Глаза его, несмотря на ночь, были почему-то закрыты, но выражение лица не оставляло сомнений: он сейчас щурится на офицера полиции со всей высоты своего роста и презрения.

– Не визкап, а виз-кап Служ-бы, – отчеканил гигант. – Ясно? Научись обра-щаться, полиция. А теперь стань в сторону и жди, где указано. Вас, полицейских, по-зо-вут.

Почему он некоторые слова терзал по слогам, разбираться было некогда. Бруно бросился с конвертом к пробегавшему мимо невысокому поджарому нобилю. И наткнулся на жесткое:

– От-ста-вить.

Больше Бруно не предоставили возможности искать офицеров Службы, в полном объеме освоивших разговорную речь. К нему, Осису и Семирамию приставили по парочке вооруженных межевиков. При очередной попытке обратиться к офицеру Служба решительно перегородила нашему визкапу дорогу, похлопав по кобуре сканфера. Оставалось спрятать конверт в карман и ждать.

С неба упала двойка автоэров с опознавательными звездами координаторов. Никогда Бруно не видел столько старших офицеров – от нобилей рябило в глазах.

Включили дополнительные прожекторы. Место происшествия осветили до пылинки, но никаких следственных действий не начинали. Явно ждали представителей консульства Севера.

Автоэров хатусконцев Бруно не заметил. Он сразу увидел тигров.

Громадного роста, в отсвечивающих серебром плащах, невесть откуда взявшиеся, они шли стеной, сметая все на своем пути. Отряд убийц, выломившийся из ночного кошмара, маршировал по брусчатке. Крепко сколоченная банда людоедов прет на тебя из ночи, а в руках нет даже доброй секиры, чтобы встретить их по-человечески.

Напружив тренированное тело, Бруно готовил фланговому тигру сюрприз. Визкап не собирався подобно прочим отпрыгивать в сторону, и тигр это заметил издалека.

Удар – на удар. Корпус – в корпус. И от толчка бронированного плеча, прикрытого плащом, молодой человек отлетел в сторону не хуже остальных.

Чертыхаясь, межевики и полицейские возвращались на брусчатку. Последним выбрался из кустов Семирамий. Отряд тигров, стальной болванкой пролетев по дороге, исчез в шатре.

Тут же гигант-визкап скомандовал, и межевики повели полицейских вслед за тиграми.

У каждого оконца, у каждой двери замерли по два до зубов вооруженных хатусконских тигра – Бруно хорошо знал их привычку каждый миг быть готовыми к нападению. Тигры стояли статуями, зато Служба устроила настоящую кутерьму: постоянные перебежки порученцев,

суета нобилей с багровыми лицами. По опыту своей полицейской конторы визкап догадывался: ждут большое начальство.

Когда Бруно стоял на голове, все выглядело куда как проще.

Поналетели межевика. Сбросил им вещдок. И только успевай отвечать.

Виноват, гозт нобиль Службы! Рад был стараться! Так точно – дурак, гозт нобиль Службы! Никак нет, гозт нобиль Службы! Да морду, морду поглупее, чтобы не смущать неподобающе живым взглядом высокое начальство.

Глядь – и отделался бы месяцем дежурства в Черном квадрате. А теперь, когда на улице вовсю пахнут следователи под присмотром северян, а он здесь сидит с важнейшей уликой, так и вклеить ему могут что угодно, вплоть до пособничества врагу в развязывании военных действий.

Первым на допрос пригласили Семирамия. Был он за дверью недолго. Вышел, вытирая бычьей шеей платком.

Сразу за бридаром утащили Осиса. По выходу, в отличие от бридара, Осис улыбался, но улыбки почему-то хватало лишь на половину лица. С такой улыбкой Бруно и запомнил друга. Встретиться им предстояло не скоро.

Товарищей Бруно увели на улицу.

Визкап подобрался, сжал конверт. Настала его очередь. Только Бруно никто не вызывал. Все этой карнавальная ночь было не так, все поворачивалось не по расчету. Впрочем, так происходило всегда, когда в ход событий не вмешивалось джагри, когда д-знание засыпало.

Но почему его не допрашивают? Наверняка Семирамий с Осисом рассказали о конверте с главным вещдоком. К чему вся эта суета? Да такая картинная, чуть ли не деланая бестолковость? С какой стати великолепно отлаженный механизм Службы забуксовал? Что-то тут не...

Все, кроме тигров, бросились к дальнему входу.

Над головами проплыл плюмаж консула северян. Вокруг консула, единственный, не уступающий тиграм в росте, крутился какой-то дипломат с толпой нобилей. Все быстро исчезли во внутреннем помещении, там, где допрашивали его друзей. «Ну, теперь держись, – подумал Бруно, – начинается политика».

Прошло полстэла. В ожидании Бруно успел измять и кое-как выправить конверт, когда дверь распахнулась и два межевика буквально поволокли виз-капа на допрос.

До этого мгновения Бруно был само спокойствие, но тут сердце его забилося, словно у мальчишки, который в шутку прочитал заклинание из древней книги, найденной на чердаке, а его вдруг стало затягивать в свинцовую, все быстрее и быстрее вращающуюся воронку.

Глава 5

МАШИНА СУДЬБЫ

Призрак офицера полиции шел по утреннему Йозеру Великому.

Мимо семидесятиэтажных башен, мимо транспортных площадок, втягивающих в свои бетонные воронки людские потоки, призрак вышел на Карнавальный проспект и зашагал к центру стеллополиса. Призрак был плечист, молод, с румянцем на щеках. Взгляд имел ясный, вид – бравый. Может быть, поэтому прохожие не обращали на него никакого внимания. Так бывает.

А ведь существовать призраку оставалось считанные стэлсы, не больше. По всем расчетам, шагающий бульваром бравый офицер должен был сгинуть еще до появления солнечных лучей, а не сгинул лишь попусшением всесильной Службы, этого бога безопасности Южного материка, по ее непонятному капризу.

Пять лет морийской каторги? Десять лет тюрьмы? Предстоял трибунал, и теперь любой жребий не сулил ничего хорошего.

Почему сразу не арестовали? Иллюзия свободы не обманывала нашего визкапа. Служба славилась своей изощренной расчетливостью.

Межевика могли поджидать его возле полицейского управления, куда сейчас шел молодой человек и куда, вполне вероятно, войдет уже в наручниках. В Службе вообще ценился арест в последний момент, там это считалось высшим пилотажем. А возможно, Бруно провоцировали на бессмысленный побег в Черный квадрат – Служба любила карать чужими руками.

И все-таки призрак не унывал!

То ли утреннее чтение коанов из Книги Вечности подействовало, то ли упражнение с боевой секирой и контрастный душ, но глупая надежда на счастливый поворот пути не оставляла Бруно. Пусть на дорогах будущего он больше не видел себя монахом-вечником с желтой секиркой, вышитой на груди, – приговор пока не зачитан, и можно шагать, надеяться на чудо и любоваться картинами утра.

Ласковое южное солнце заливало светом Карнавальный бульвар, и лучи бликами стекали по резным пальмовым листьям. Стекланные цилиндры высоких башен перемежались лимонного цвета особняками с крышами в каменных завитушках. Высоко над головой зеленели висячие парки. Их тонкие стеллитовые опоры приняли голубой цвет дня, и поэтому парки казались небесными островами. На горизонте сияла снегами горная гряда Норта Верде. К ней тянулись цепочкой розовые облачка. Карамельные сказочные виды древнейшей столицы Юга окружали Бруно со всех сторон.

И все-таки ночь была поярче этого солнечного дня.

– Почему нарушил инструкцию, визкап? Отвечать! Почему нарушил инструкцию?

Орал на Бруно тот самый дипломат, который сопровождал консула. В полумраке шатра глаза дипломата отсвечивали голубой сталью.

– Под трибунал пойдешь! Что мямлишь? Громче отвечай!

Нависнув над Бруно, он ревел, будто атакующий королевский хорог. Физиономия лошадиная, зубастая. На мощной, словно у хорошего жеребца, грудной клетке трещит дипломатический костюм, готовый разом разойтись по всем швам. Ростом с тигра, то бишь под самый потолок. А уж таких лютых синих глаз Бруно не видал даже у северян.

Допрос велся в вихревом темпе. Не успел визкап опомниться, как из него вытрясли все факты и все мотивы, и то, что он хотел спасти убийц тигра от выдачи хатусконцам, и то, каким образом он это намеревался сделать.

С такой скоростью не меняют маски даже в фанотеатрах – дипломат повернулся к консулу. Куда делся рык, свирепость физиономии? Обращаясь к представителю Севера, дипломат умудрялся чуть ли не ворковать, и это на грубом языке хатусконцев. Консул отвечал лающими короткими фразами, тыча унизированной перстнями рукой в сторону провинившегося визкапа. Согласно кивая головой в такт лаю, жеребец-дипломат умильно улыбался северянину и тут же повернулся к Бруно с рыком:

– Конверт! Живо конверт, визкап!

Получив конверт, дипломат отошел к лампе, чтобы рассмотреть его, и вдруг неожиданно и резко размахнулся и швырнул конверт обратно:

– Не мне. Изволь вручить гозту консулу! Живо!

Когтистая старческая рука хатусконца, похожая на лапу хорога-хищника, вырвала у Бруно улику. Как ни был молодой человек оглушен допросом, он заметил: на бумаге нет и следов помятости. До Бруно дошло почти сразу – дипломат вернул ему другой конверт. Что это было: мелкое шулерство, большая политика – Бруно не успел сообразить и потому ошибся.

Он покосился в сторону дипломата и наткнулся на выразительный взгляд голубых глаз. Они видели его насквозь.

– Забрать его! Под трибунал! – рявкнул «жеребец» в последний раз, и два дюжих межевика поволокли, Бруно на улицу, где безумная карнавальная ночь неожиданно оборвалась.

Промаршировали назад тигры. Улетела следственная группа. Сняли оцепление. Черные мундиры межевиков растворились в ночи.

О Бруно забыли.

На брусчатке, отсвечивающей латами мертвого богатыря, визкап остался в одиночестве. А в звездное небо один за одним уходили автоэры Службы и гудели, гудели над его головой...

– Ты что, заснул на ходу? Проснись! Так недолго и на небеса отправиться.

Пожилый мужчина в красной спецодежде уборщика похлопал Бруно по плечу и показал на близкий уже раструб. Гофрированная труба от раструба уходила куда-то вверх.

Гудели не аэры.

Высотой со столетнюю пальму мусороуборочный агрегат, протянув во все стороны тюльпаны своих пылесосов, с гулом полз по проспекту. Радужные семицветные ленточки, обертки от сладостей и гирлянды целиком – весь этот мусор отшумевшего праздника со свистом исчезал в раструбах. Верхушки пальм под натиском пылесосов раскачивались так, словно стадо хорогов терлось о стволы спинами.

– Хорошо вчера гульнул, а?

Настоящий южанин стоял перед визкапом: веселый, неунывающий, несмотря ни на что. Левый его рукав был пуст – явный след одного из многочисленных военных конфликтов с Севером. Загорелое морщинистое лицо уборщика сияло улыбкой.

Кивнув в ответ, Бруно направился дальше.

Всюду – чистота. Никаких следов ночного безумия. Сияют витрины, офисы. Обманная мишура беззаботного южного града исчезла. Сквозь нее строгим сочетанием стекла и стали проступил череп биокомовского расчетливого стеллополиса.

На лицах прохожих карнавальные спектры сменились обычными. Открытых лиц не видно. Именно к этому Бруно дольше всего привыкал в Будущем.

До полицейского управления оставалось пройти два квартала. Бруно проверил свои наручные стэлсы. Состояние счета не изменилось, что еще ничего не значило – счет могла заблокировать Служба. Для проверки своего статуса молодой человек решил что-нибудь купить.

Витрины бульварных магазинов ломались от ненужных товаров. Привыкший жить экономно визкап безрезультатно пытался выискать хоть что-нибудь для себя полезное. В глазах

рябило от ярких этикеток, но все больше попадались какие-то «марияхи улучшенные», бог весть что улучшающие.

На всякий случай Бруно вновь посмотрел на стэлсы. Один механизм стэлсов показывал количество денег на счету визкапа, а второй механизм безжалостно отсчитывал время. Деньги – стэлсы, время – стэлсы: именно к этому Бруно так до конца и не привык за два года работы в полиции Йозера Великого.

Все здесь измерялось временем, стэлсами. Сутки – это двадцать стэлсов. Богатство – миллион стэлсов. Человек – существо ростом около двух стэлсов. И далее в таком же духе.

Традиция эта установилась еще в языческие времена, когда верховным божеством в аркейской мифологии являлся змей Стэллос, двадцатиголовый бог Времени, творец мироздания и всего сущего на планете Арар. И в дальнейшей истории все философские системы и мировоззрения Юга базировались на идее Времени, на признании обреченности человека служить ему. Восток – другое дело. Там всегда молились Вечности, считая время пылью под ее звездной поступью.

В борьбе Времени и Вечности и сформировалась цивилизация Арки. Кто выиграл? Победило Время, победил Юг. Время лучше обслуживало непрерывную борьбу за блага, в этой борьбе мужал Юг, и где мечом, где деньгами он в итоге собрал весь материк в единую Аркейскую Федерацию.

Витрины резко закончились, Бруно остановился. Что он все выбирает, зачем? Ведь ему только и надо, что совершить любую покупку! Бруно выбрал первую попавшуюся коробку и приложил свои стэлсы к магазинным. Знакомо пискнуло, и молодой человек стал обладателем «необыкновенного туротосатского гладыша». Именно так было написано на картоне. Что такое необыкновенный гладыш, наш визкап не знал, осталось для него загадкой и что такое гладыш вообще. Не вскрывая коробку, он опустил ее в утилизатор. Стэлсы работали. Пока он был свободен.

О покупке пришлось пожалеть очень скоро. Из-за угла вышли два межевика и направились прямо к визкапу. Ведь «стэлсовая траектория» Бруно наверняка отслеживалась, и при первой же трате денег Служба сразу вычислила его координаты.

Неожиданно для себя самого Бруно свернул к небольшой толпе зевак и попытался в ней затеряться. Это было глупо, нелепо, но он ничего не смог с собой поделать. Пусть призраком, но хотелось побыть еще под солнцем.

Народ толпился под уличным биокомом.

...МИЛЛИОНОВ УЧАСТНИКОВ. ВЕЛИЧАЙШИЙ КАРНАВАЛ ДВУХ ЛУН В ИСТОРИИ ЙОЗЕРА ВЕЛИКОГО! ИЗВЕРЖЕНИЕ ВУЛКАНА В САМОМ ЦЕНТРЕ ХАТУСКОНА, СЧЕТ ЖЕРТВ ИДЕТ НА ТЫСЯЧИ. ЮЖНЫЕ РАЙОНЫ ХАТУСКОНА ОХВАЧЕНЫ ВОССТАНИЕМ. ИМПЕРСКИЕ ТИГРЫ ЗАЛИВАЮТ КРОВЬЮ УЛИЦЫ ЯКСИГРАДА И РАТОНА. В ПТИОНИЙСКОМ ЗАЛИВЕ НАЧАТО СООРУЖЕНИЕ НОВОГО СТЕЛЛО ПОЛИСА...

Бежали строчки, мельтешил видеоряд, а Бруно все ждал того момента, когда на периферии зрения покажется черный обшлаг и рука межевика ляжет ему на плечо. Он еле заставил себя оглянуться.

Уф-ф. Мундиры уходили прочь. Не сейчас. Почему-то последних стэлсов на свободе было безумно жалко.

На экране мелькнули знакомые виды – показывали аллеи ландшафтного парка, по которому вчера они торопились с Осисом. Судя по освещению, съемка велась ранним утром.

Начался блок новостей стеллополиса.

ОТВАЖНЫЕ СОТРУДНИКИ СЛУЖБЫ СПАСАЮТ ЖИЗНЬ МИРНЫМ ЖИТЕЛЯМ! СЕГОДНЯ НОЧЬЮ, РИСКУЯ ЖИЗНЬЮ, НАШИ ХРАБРЫЕ МЕЖЕВИКИ ЗАСТРЕЛИЛИ ОПАСНЕЙШУЮ ЧЕТЫРЕХРУКУЮ ОБЕЗЬЯНУ, ТАК НАЗЫВАЕМОГО ШАРГА-ПТИЦЕ-

ЛОВА. ИМЕЮТСЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, ЧТО ИМЕННО ЭТОТ ШАРГ ВИНОВЕН В УБИЙСТВЕ СОТРУДНИКА СЕВЕРНОГО КОНСУЛЬСТВА. ТАКИМ ОБРАЗОМ ПРЕДОТВРАЩЕН КОНФЛИКТ, КОТОРЫЙ...

На экране гигантскую волосатую тушу мертвой обезьяны выволакивали из кустов. Выпятив подкову подбородка, бравый межевик рассказывал блондинистой корреспондентке подробности операции.

Бруно зашагал прочь. Он понял игру Службы. Темнота ночной головоломки стала прозрачной стакана воды.

Глуповатая доверчивая блондинка. Врущий межевик. Деланая суeta нобилей, которые на самом деле только тянули время. Шулерство дипломата, ловко подменившего конверт. Все встало на свои места. Наверняка в подменном конверте следователи обнаружили клочок шарговой шерсти. А теперь и шарга застрелили – будет что предъявить северянам. Занавес. Вечному Миру отныне ничто не угрожает.

Бедная обезьяна. Любопытно, почему всегда страдают невинные животные, когда в ход идет большая политика? А ты, Бруно, ко всему прочему, теперь ненужный свидетель махинаций Службы. Так-то.

С такими невеселыми мыслями молодой человек подошел к полицейскому управлению.

Старое семиэтажное здание с вычурным фасадом эпохи Войны Времен. Слева от широкой лестницы – транспортная площадка. От нее к управлению и обратно сновал народ. Справа от лестницы толпилась небольшая группа офицеров и младших чинов. Очередь стояла к железной двери небольшой бетонной постройке, сделанной в виде полусферы.

«Вычислитель удела», «теща», «машина судьбы», «великий маразматик», «круглая дура» (за форму), «старый пень», «грехоизмеритель» – как только ни называли рестоопределятель, а точнее «интегральный форматор соцпрофокоррелирующего рейтинга». Этот форматор находился в пристройке.

Попав на Юг, Бруно поначалу решил, что все здесь решают деньги. И ошибся. Оказалось, что для чиновников и военных был здесь бог постарше стэлса и звали его реет. На госслужбе от величины рейтинга зависело практически все: сумма ежемесячного поощрения в стэлсах, темп карьеры, качество мебели в кабинете, ежели таковой полагался. Даже степень приветливости секретарши шефа напрямую зависела от количества баллов в твоём реете. Правда, согласно правилам, таблицы с рестами сотрудников были доступны только их непосредственным начальникам, а вовсе не секретаршам, но те почему-то знали их не хуже.

– Что, Бруно, пришел на свой реет полюбоваться? Передумал подаваться в монахи? Молодец. Одобряю.

Толстячок в чине маера выдал все это скороговоркой, не переставая вытирать платком мокрую лысину. Платок не помогал. Загорелая лысина мгновенно покрывалась мелкими каплями, словно невидимый шутник тут же сбрызгивал ее из пульверизатора.

– Полицейским тебе быть лучше, – развил толстячок свою мысль, – с привычками монаха такой реет можно забабахать! Нам, грешникам, только завидовать останется.

Бруно занял очередь. Заглянуть к «теще» – это была хорошая идея. Машина судьбы всегда с удовольствием докладывала обо всех неприятностях и угрозах, нависших над бедным вопрошателем.

На свидание к «теще» стоял в основном младший и средний офицерский состав. В первых, для карьеры старших офицеров реет уже не имел решающего значения, а во-вторых, именно младшим офицерам вменялось в обязанность отслеживать ресты рядовых полицейских.

Маер заговорил снова:

– Что-то грустный ты сегодня. Ничего не случилось?

Неожиданно тяжелым для его безобидной внешности взглядом толстячок уставился Бруно прямо в лицо.

– У меня все отлично.

– А-а, как всегда. Ну и хорошо!

Толстячок отвернулся к более разговорчивому соседу. В очереди к «теще» всегда немного волновались и очень много трепались – отводили душу.

– И куда только начальство смотрит? Лучше бы пару лишних кабинок поставили.

– Говорят, что в Торе скоро всю программу рестоисчисления изменят – запоете тогда. Лишнюю кружку пива побоитесь тяпнуть. То ли дело раньше! Я тогда все покупки делал в магазинчике возле церкви. Дурной ящик думал, что я крюк делаю специально для молитвы. Рест был – тыща! Ну, почти...

– Эка вспомнил. Такие фокусы давно не проходят.

– А правда, что чем чаще проверяешь свой рест, тем он выше?

– Ерунда.

– Кому хорошо, так это генералам, им все можно. Тут изо всех сил бьешься, ради лишнего десятка баллов отказываешь себе во всем.

– Говорят, у генералов реста вообще нет. Ни к чему он им.

– Глупости все это. Есть у них рест. Только он от кружки пива уже не зависит.

– Это точно. А насчет генералов, я вот что заметил. У нас с Севером во всем противоположность, так?

– Да.

– Возьми даже звания: у нас – бридар, у них – меченосец, у нас – нобиль, у них – тум. Так?

– Да.

– А вот чин генерала есть и у них, и у нас. И знаете почему?

– Почему? Да не таяни.

– А потому, что генерал – это вовсе не чин, это – счастье.

– Да-а-а...

На миг вся очередь притихла, дивясь мудрости сказанного.

– Кстати, я слышал, что сегодня утром Лемсонг прилетел.

– Так вот почему наши нобили с утра ходят с белыми лицами. Боевой генерал пожаловал. Даром что Службы.

– Поговаривают, у Лемсонга вообще рест отрицательный.

– Такого у каторжников не бывает.

– А мне насчет Лемсонга сами межевика рассказывали интересную вещь: мол, он в такой степени владеет своими рефлексам, что просто обманывал «тещу» при установке базовых констант. Аналитики считали такое невозможным и не проверяли. Таким манером он и в генералы быстро выбился.

– Давайте не рассуждать на уровне слухов и бабьих сплетен, отважные гозты. Кровью он стал генералом, а не трюками, кровью...

Дальнейших слов молодой человек не услышал – настала его очередь отправиться на встречу с машиной судьбы.

Рестоопределитель походил на танковую башню с экраном вместо пушки. Запрессованный в пуленепробиваемое стекло – на свиданиях с «тещей» случалось всякое, – экран нервно мигал алой надписью: «ВВЕДИТЕ ЛИЧНЫЙ КОД». Подстегивал. Крови требовал.

Бруно прикоснулся стэлсами к приплюснутой полусфере. Может быть, молодому человеку показалось, но сегодня «грехоизмеритель» вычислял его рест особенно долго. Наконец экран выплеснул:

КОД – НЕТ КОДА. РЕСТ – НЕТ РЕСТА. РЕКОМЕНДАЦИИ – НЕТ РЕКОМЕНДАЦИЙ.

Такого ответа Бруно ожидал меньше всего. «Теща», которой только дай поучить умному нерадивую полицию да попочкать ее советами, да помурожить рекомендациями, а объемом и заумью своих наставлений она могла поспорить с дюжиной настоящих тещ, на этот раз не нашла для него ни единого слова. Это был приговор. Даже покойники имели у «машин судьбы» рест, пусть и нулевой, но чтобы его не было вообще...

– Помочь? Может, все-таки случилось что?

К задумчиво бредущему в неизвестном направлении Бруно подошел все тот же толстенький маер с платком в руке.

– Спасибо. У меня все отлично, – ответил молодой человек, и в тот же миг невесть откуда взявшиеся двое межевиков предъявили ему свои значки, подхватили под руки и потащили в сторону полицейского управления. Мелькнула лестница, холл, из толпы вынырнул яйцеголовый нобиль Службы с лицом мумии, скомандовал и повел всю тройку за собой.

В бешеном темпе пройдя несколько поворотов и коридоров, они подошли к лифту. В кабинку с Бруно зашел только нобиль, а межевики тут же перекрыли дорогу всем остальным из желающих прокатиться. Дверь захлопнулась. Долговязый нобиль, согнувшись, принялся возиться над простенькой панелью управления с десятком кнопок.

За два года работы Бруно этим лифтом пользовался не раз. Лифт как лифт. Самый обычный, локальный, без кресел, старенький лифт, назубок знавший все свои семь этажей, может быть, никогда высоко не поднимавшийся, но и никогда не опускавшийся ниже своего подвального уровня.

Нобиль выпрямился, из стены кабины вывалилась массивная панель управления с экраном-трапецией и с сотнями кнопок и рычагов под ним. Управление такой сложности лайнр аркейского класса мог иметь, но вовсе не лифтовая кабинка заурядного административного здания о семи этажах.

Взревели двигатели. – это нобиль ввел команду, – и пол исчез у Бруно под ногами.

Лифт летел вниз, прямо в преисподнюю, набирал ход, а рядом с Бруно стояла настоящая мумия с лицом-маской, выделанной из желтой задубевшей кожи.

Вскорости полет замедлился, и лифт остановился. Но двери не распахнулись. Кабинка начала движение куда-то вбок, а затем – вверх. Подъем был настолько долгим, что Бруно под конец стал догадываться, куда они поднимаются. Во всем Йозере Великом было лишь одно место, куда лифт мог добираться столь долго. Лифт шел прямо к Богу. По крайней мере, в масштабах Йозера Великого, это было чистой правдой.

ЛЕМСОНГ

Одно слово на дверях. Ни званий, ни должности. Даже нобили, на своем боевом веку повидавшие лики десятков смертей, выходили из этого кабинета со стеклянными, невидящими глазами.

По приемной сновала мумия секретаря Лемсонга, заводившая очередную жертву на казнь.

Бруно ждал, когда его вызовут.

Лемсонг.

Легендарный, жестокий и, несмотря на это, любимый всеми межевиками боевой генерал Службы. Координатор аркейского масштаба. Человек с репутацией почти мистической, якобы знающий все и про всех. Такой не то что скромную пылинку-визкапа, а и десяток нобилей сотрет в порошок и не заметит. Неужели и он явился в Йозер из-за ночного происшествия?

Из кабинета вышел седовласый старший офицер. Грудь его, украшенная многочисленными наградами, лучше всяких слов повествовала о боевом пути офицера. Неожиданно он покачнулся и стал сползать на пол, несмотря на все усилия мумии. Только с помощью подоспевших межевиков секретарю Лемсонга удалось устроить седовласого в кресло. И тут же смертельно бледное лицо офицера исчезло за спинами медиков.

Скоро молодому человеку предстояло лично предстать пред генеральские очи, и сердце его колотилось все сильнее. За время работы в полиции Бруно узнал: бывают кабинеты поопаснее любой материковой мории со всеми ее хорогами.

Наконец прозвучало его имя, и визкап шагнул в дверь.

Глава 6

ЛЕМСОНГ

Стол был старинный, громадный, из темно-красного рубонового дерева.

Заставленный биокомами, оборудованием дальней связи, он почти полностью закрывал хозяина кабинета, стоящего к Бруно спиной перед картой Арар. Генеральская фигура показалась молодому человеку знакомой. Впрочем, наш визкап вполне мог видеть легендарного генерала в фано.

Лампочка за лампочкой вспыхивали на карте планеты, занимавшей всю стену. Судя по наклону головы, Лемсонг работал на портативном биокоме и именно с него расцвечивал Арку огнями. То, что лампочки загорались исключительно на территории Юга, Бруно отметил сразу. Никакой логики в порядке появления огоньков он не заметил.

Пока генерал работал, Бруно осматривал стол. Лет семьсот, может, восемьсот – не меньше, впрочем, рубон мог и тысячу лет простоять безо всякого для себя ущерба. Недавно его называли стеллитовым деревом. Этаким стол-крепость с башенками по углам. За ним, похоже, собирались межевика Службы еще в легендарные рыцарские времена. Правда, истерично попискивающие на столе биокомы всю старались доказать: нет, не те нынче времена, не те.

Генеральский кабинет не уступал размерами хорошему театральному залу.

Вместо левой и правой стены – стекло от пола до потолка. Внизу, в разрывах между облаками, виднелись башни, а за ними – океан до самого горизонта.

Столп, так называли здание Службы, этот шестигранный карандаш этажей в двести, был самым высоким зданием Йозера Великого. Генеральский кабинет явно находился в самой верхушке Столпа.

Последний огонек загорелся в подбрюшье Юга, там, где на карте располагался Йозер Великий, и Лемсонг выпрямился. На Бруно смотрели выплавленные в голубую сталь лютые очи вчерашнего «дипломата».

– Отвечать быстро, точно. Не врать. Ясно, визкап? Не слышу ответа.

Генерал смотрел, не мигая. Таким взглядом можно было резать стеллит.

– Так точно, гозт генерал Службы!

– Поощрения, стаж в полиции, образование?

– Пять благодарностей за рвение, два года, диплом Храма Вечности.

– Почему очутился в полиции?

– Отбывал мирской испытательный срок. Было несколько вариантов. Я выбрал охрану порядка.

– Правопорядка, визкап. Пра-во по-ряд-ка. Порицания?

– Нет порицаний.

– За что награжден? Подробности.

Пока Бруно излагал во всех деталях свои полицейские «подвиги», Лемсонг что-то просматривал на экране биокома – видимо, сверял услышанное с материалами личного дела стоящего перед ним офицера.

– В Джампилангре ты получил прозвище Полувечник, Бруно Джагрин по прозвищу Полувечник. Откуда оно взялось? И почему ты выбрал именно Йозер Великий?

Именно на эти вопросы Бруно меньше всего хотелось бы отвечать.

Пришлось объяснить, что прозвище Полувечник он получил в насмешку. И все из-за проклятого тигра, с которым Бруно однажды схватился на мосту в своем первом в жизни бою

с хатусконским людорезом. Каким-то чудом ему удалось ранить, а потом и оглушить северянина. Оставалось нанести последний удар, всего лишь один удар, чтобы убить тигра и получить шанс на имя настоящего Вечника, но здесь он отвлекся, спасая друга, на которого напали сразу трое рядовых хатусконцев. Друга он выручил, но когда повернулся к тигру, тот на стальной проволоке железным пауком уже скользил с моста и через мгновение сгинул в мории. Так Бруно получил свое ироничное прозвище.

Что касается выбора Йозера Великого для прохождения испытательного срока... Здесь Бруно не собирался говорить правду и десяти генералам. Пришлось изложить привычную легенду. Набор фраз о выбранном пути монаха-Вечника, о высокой жизненной цели: научиться вкладывать в души людские Вечность, – не вызвал у генерала ни интереса, ни сомнений. Впрочем, за два года жизни на юге Юга Бруно так часто повторял свою легенду, что сам себе поверил.

– Почему нарушил инструкцию, визкап? Почему пытался скрыть улику?

Генерал спросил безо всякого напора, скорее задумчиво. Он явно что-то решал, подводил баланс своим мыслям.

– Ненавижу тигров, ненавижу убийц, гозт генерал Службы. Думал спасти Вечника от выдачи Северу.

– Так ли, визкап? А как же заветы вашего восточного Наставника наставников? Помните, он что-то говорил о любви к врагам.

– Тигры – это не враги, гозт генерал Службы. Тигры – зло. А зло следует искоренять.

Бруно стало не по себе от произведенного его словами эффекта. Генерал выпрямился во весь свой гигантский рост, взгляд его полыхнул голубой сталью.

– Искоренять зло следует по инструкции, мой дорогой визкап. Исключительно по инструкции.

И генеральский кулак с грохотом обрушился на рубоновую столешницу. Биокомы испуганно пискнули, а стол обрадованно загудел. То-от век! То-от! – радостно пел древний стол. Всегда будет то-от, старый добрый век, покуда в генеральском кулаке есть мощь, чтобы так грохнуть по рубоновой крышке.

Пока стол торжественно пел, Бруно успел сообразить, кто научил Службу разговаривать по слогам. Надо отдать должное Лемсонгу, что только у него это выглядело естественно.

– Чему радуешься, визкап? Надеешься на свое предзнание? Угадал? Знаю я вашу монашескую породу вечников: считаете себя умнее всех. Только на этот раз джагри тебя подвело и подвело крепко. Трибунал уже состоялся. Заочно. За преступление против Вечного Мира ты получил два года каторжных рудников. И это еще – повезло. Если бы твоя глупость не оказалась полезной, а она помогла нам отстранить Север от расследования дела, могли приговорить лет на десять. Мальчишка... Как вообще могло прийти в голову такое – нарушить инструкцию? Не слышу, Санфар тебя побери!

Стол снова загудел под генеральским кулаком.

– И ведь глупая жертва, бессмысленная. Никакого Вечника не было там и в помине. Ответ из лаборатории уже получен. Волосы из руки тигра принадлежат молодой женщине лет двадцати пяти. Из-за какой-то «козочки», приманки для тигра, попасть на каторгу? Не слышу ответа, визкап!

Сжав зубы так, что желваки выступили, Бруно упрямо молчал. Не оправдываться. Никогда не оправдываться. Он знал этот закон назубок.

– Хорошо. Хо-ро-шо.

Не объяснив, отчего вдруг ему стало так хорошо, Лемсонг принялся прохаживаться между двумя стеклянными стенами от ледяных вершин Норта Верде к панораме Йозера Великого с далеким океаном и обратно.

Генерал прогуливался, а Бруно гадал, зачем его все-таки Лемсонг вызвал? Что-то подсказывало молодому человеку: если он и очутится на морийской каторге, то не сегодня. Ведь не для того, чтобы объявить приговор, генерал потребовал его к себе и тратил свои бесценные стэлсы!

– Что прочнее всего на свете, визкап, знаешь?

– Так точно, гозт генерал Службы! Стеллит.

– Стеллит? Стеллит – ерунда.

На этот раз генерал заговорил мягко, смотрел – отечески. Любуясь древней столицей Юга, сиявшей в солнечных лучах далеко внизу, Лемсонг продолжил:

– Стеллит – это ответ скорее школяра, чем офицера. Стеллит – всего лишь легированный стеклокамень, пусть и чрезвычайно прочный. Да, он ограждает нас от Настоящего, от мории, но и только. Так что прочнее всего на свете?

– Никак нет, гозт генерал Службы! Не знаю, гозт генерал Службы!

– А кто последние тысячелетия противостоял агрессии имперского Севера? Кто громил орды Хатускона? Кто прекратил набеги Ледяного Ордена? Кто объединил народы Арки в единую Федерацию? Кто организовал создание дуги стеллополисов? Кто прекратил Войну Времени? Теперь ясно, визкап, что упрямее стали, тверже алмаза, прочнее стеллитовых стен?

– Так точно, гозт генерал Службы!

– Вот именно. Вовсе не Святой Йозер и не стеллитовые стены берегут и спасают нас от всяческих напастей, а Служба Арки. Стеллитовые стены – это мы. И откуда мы стоим на всех рубежах, до той поры и быть стеллитовым стенам. Теперь к делу.

Генерал подошел к карте, световой указкой обвел верхний огонек.

– Здесь, в Тавре, на верхнем побережье Арки, год тому назад пропал тигр-меченосец, прибывший с делегацией на переговоры. Тигр исчез бесследно. Нам это стоило сорванного пограничного соглашения и миллиардов стэлсов. Через месяц в Фазикстре, древнейшем стеллополисе Федерации, похищают нобиля Службы. И в том и в другом случае обстоятельства преступлений сомнительны. Похитители не найдены. Но это далеко не все.

Огонек указки заплескал в самом центре Арки.

– Знаменитая каторга Яскуртже, это уже материковая часть, самый морийский ад, там добывают сырье для выработки лакташи. Вдруг на каторге случается бунт, при подавлении бунта – пожар. В результате – работа Яскуртже парализована на год, а он давал самое ценное сырье для нашей фармацевтической промышленности. Интересная деталь: бунт якобы возглавлял Дитион Ярый, герой йозеровских восстаний тысячелетней давности. При подавлении мятежа он благополучно и бесследно исчезает, но каторжники остаются в полной уверенности, что ими руководил самый настоящий Дитион, вернувшийся к ним из Царства Мертвых. Скажу больше: имеются признаки того, что так оно и было. Я чуть не разогнал весь аналитический сектор, когда мне об этом доложили.

Генеральская указка скользнула по оставшимся огонькам.

– Далее – Фаркиний, Герре, Бат. В Герре наши контролирующие биокомы засекли странные сделки: стэлсы покупателя принадлежали недавно умершему человеку. И практически везде пропадают люди, причем люди с военной подготовкой. И везде – бесследно, и везде с мистическим душком: то ведьму заметят свидетели, то человечка, которого благополучно похоронили лет эдак пятьсот тому назад. Я даже стал подумывать, а не завести ли мне в Службе демонологический сектор.

Последние слова Лемсонг произнес с сарказмом. По тому, как сжались генеральские кулаки, было понятно, что свои действия он начнет не с создания каких-то там демоноизучающих секторов.

– Теперь смотри сюда, визкап. Все эти стеллополисы я уложил на одну линию: получилась плавная кривая. Узнаешь визкап? Это ведь линия Аланта! Так называемая «Дорога богов»

или «Путь равэтов» – череда кратеров, ставших крупнейшими естественными стеллополисами. Заканчивается «Дорога богов» в Йозере, именно к вам я прибыл вчера вечером и предупредил северян о вероятном похищении. Возможно, поэтому оно и не удалось. А что ты думаешь об этой линии, визкап?

Хотя это и раньше бросалось в глаза, но только после генеральских слов для Бруно стало очевидным: все исчезновения людей действительно случились на линии Аланта, названной в честь предводителя равэтов, мифических полулюдей-полубогов.

– Не могу знать, гозт генерал Службы!

– А я знаю. Я точно знаю, что сие означает. Лемсонг подошел к стеклянной стене, выходящей на север, на горный хребет.

– Идет агрессия на наш мир, визкап. Агрессия смертельная, и как всегда – с севера. Пусть на этот раз не тигры, не Ледяной Орден, а какая-то новая сила испытывает нас, но это извечная угроза Хатускона. Все та же угроза Севера, пусть и в новой маске.

Генерал уставился на ледяную стену гор Норта Верде. За ними угадывалась вся громада Аркейского материка, с его безбрежной морией, рассекающими морийские топи величественными горными хребтами, с красивейшими стеллополисами на побережьях и неприступными крепостями на островах.

Покуда Лемсонг пытался разглядеть лик угрозы, нависшей над подвластным ему материком, силился заглянуть под ее маску, Бруно думал совсем о другом. Ему почему-то вспомнились Золото и Серебро, эти две карнавальные богини стигнувшей ночи.

Генерал вернулся к рубоновому столу, сел.

– Ни в каких покойников, восставших из Царства Мертвых, я не верю. Не верю и в джagri, всяческое знание грядущего и прочий набор восточных кудесников. Результат Служба всегда получала за счет четкой организации действий и дисциплины. Только в данном случае наши методы не работают. Пока не работают. Тебе, визкап, повезло. Мне на глаза попала парочка докладных, где ты предлагал свою помощь в раскрытии убийств и называл имена тех, кто эти преступления предположительно совершил. Читал я и резолюции руководства. Обе – отрицательные. Резоны полицейского начальства мне понятны, но здесь не полиция. Поэтому я принял решение...

Паузу генерал держал на уровне самых гениальных фаноактеров.

– Чин визкапа Службы. Это практически общеармейский чин нобилиа и тысяча стэлсов в месяц. Безопасная работа в фаносекторе. Перспектива карьеры – разумеется, при наличии должного рвения и результатов. Стандартный двадцатилетний контракт и весьма солидная пенсия. Таким образом, за каждый год позорной каторги – десять лет почетной службы. Но за все это я потребую настоящей работы, такой, чтобы мозги трещали. Ясно, визкап Службы?

Такой катастрофы Бруно не ожидал. Отдать двадцать лет Службе – жизнь – столь крутой поворот пути ну никак не входил в его планы. И ведь не помогли никакие тренировки – в голубую лютую сталь генеральских глаз невозможно было смотреть. Может быть, впервые в жизни Бруно засомневался в своих силах.

– Что ты мямлишь, визкап? Не слышу!

– Так точно, гозт генерал Службы! Я хотел сказать: никак нет, гозт генерал Службы! Я не могу принять ваше предложение.

Стол не загудел. Гром не грянул. Визкап не сумел даже удивить генерала.

– Никакого предложения я не делал. Своих решений – не меняю. Да и нет уже визкапа полиции Бруно Джагрина. Сегодня ночью, при попытке оказать сопротивление во время ареста, он был застрелен, о чем и было доложено в консульство Севера. Материалы прилагаются. Прошу.

Развернув экран биокома, Лемсонг принялся демонстрировать соответствующие докладные межевиков, заключения экспертов, выводы комиссии – все было сделано с натуральностью добротной фальшивки. Служба это умела. Бруно оставалось только гордиться тем, как профессионально его застрелили и как грамотно и деловито происшествие оформили. Теперь стало понятно, почему бедная «теща» не могла дать ему ни одной рекомендации.

И тут же Лемсонг преподнес второй сюрприз, а точнее – нанес второй удар, и удар сокрушительный.

Он включил станцию дальней торовой связи, которой пользовалась управленческая элита Арки.

На экране показались знакомые террасовые склоны Джампилангра, а затем появилось лицо Наставника. Учитель с садовыми ножницами в руках работал над кустами роз.

С привычной улыбкой на губах Наставник говорил о том, что освобождает Бруно от обязательств Пути, о том, что любой путь ведет к свету, если выбрано правильное направление, а у молодого человека все кружилось и плыло перед глазами, словно он опять в автоэре, по которому северяне шарахнули из ракетной установки и сбили на самом взлете. Со всеми жизненными целями можно было распрощаться. Впервые Бруно столкнулся с силой, пересилившей его силу, наткнулся на планы, повыше его планов. За спиной генерала был целый материк, а у Бруно после слов Наставника – пустота.

Лемсонг победил. И даже не обратил внимания на свою победу. Первым ударом он уничтожил тело визкапа полиции, вторым – его душу. И все-таки Бруно не оставляло чувство, что силы и планы, сокрушившие его, будут повыше и самого генерала.

– Повторяю: к работе приступить не-мед-лен-но! Наш знак получите у заместителя.

Шарговые лапы генерала опустились на плечи молодого человека, чуть сжали их. В руках была такая силища, что они могли переломить визкапа в одно мгновение. Впрочем, и Лемсонг, и Бруно знали: этого уже не требуется.

Голубая сталь засияла нежным бирюзовым оттенком.

– Выше нос, визкап! Придет время – скажешь спасибо за настоящее мужское дело, доверенное тебе Службой. И вот тебе совет от старого служаки. При поиске убийц тигра не забывай о школьном примере. Из двух лун Феста меньше Мо, но кажется больше из-за своей близости. Ищи Мо, визкап. Не дай себя обмануть Фесте. Запомни!

Бруно не успел выйти, как его на ковре сменил нобиль, и стол тут же загудел под кулаком Лемсонга. Оставалось только удивляться, как еще работали биокомы на этом столе. Видимо, они были особой, генеральской конструкции.

Две перекрещенных огненных стрелы на фоне щита. Полукругом – девиз, с которым межевика прошли через тысячи лет: «Стрелы императора, щит обездоленных». Крест из огненных стрел на груди, внизу – весь Йозер Великий.

Со знаком Службы на груди Бруно стоял на смотровой площадке Столпа, на самой его крыше, и с высоты в двести этажей смотрел в сторону ледяных гор Норта Верде. За ними – целый материк. Арка. В душе молодого человека было пусто, словно ее расплющили всем этим материком.

Не призрак, а мертвец стоял на смотровой площадке Столпа и невидящими глазами смотрел на вечные горы. Личный мертвец генерала, у которого Лемсонг вынул душу и отправил воевать против всего Царства Мертвых.

Глава 7

АГЕНТ ЦАРСТВА МЕРТВЫХ

Время стояло стеной.

Хрустальная на поверхности, его ключевая чистота в глубине быстро мутнела и превращалась в непроницаемый мрак.

Ветер скользнул по листве деревьев. Обрушился веселее, зашумел, раскачал кроны, и зеленые волны поплыли в стеклянной глубине. Волны катили плавно, медленно. Вязкий камень времени не терпел никаких порывов.

Стих ветер.

Зеленые волны замерли и рассыпались в рябь. Ни отдельно стоящий куст, ни ветки не отражались в стеллите – все сливалось в пятна.

Время не замечало деталей.

– Ты гляди, какая птица к нам залетела.

– Не чета нам.

– Такая не будет ручки пачкать.

Молодая дама в строгом деловом костюме постукивала каблучками по загаженному тротуару. На ходу улыбнулась бабам, судачащим перед подъездом обшарпанной четырехэтажки. В лицах баб, застывших со скрещенными на животах руками, ничего не дрогнуло.

– Ой, извиняюсь.

С интонацией, неотличимой от содержимого ее помойного ведра, одно из изваяний ногой опрокинуло грязную посудину прямо на дамочкины туфли. Чудом успев отпрыгнуть, молодая женщина чуть не сбила с ног стоящего в очереди за водой старичка. Тот с удовольствием ткнул ее локтем под ребра и попытался наступить на ногу.

Женщина отпрыгнула еще раз. Осмотрелась. Поправила светозащитные очки, закрывающие пол лица и сделанные по моде Настоящего в виде спектра. Нападений больше не предвиделось, но пьянчужку с лицом, пожмаканным, как черновик, упоительно презиравшего с балкона шустрящую внизу жизнь, молодая женщина обошла стороной.

Цок-цок-цок.

Быстро шла по улице молодая женщина. Она не оборачивалась, внимательно смотрела под ноги и то и дело резко меняла направление движения, чтобы не попасть ни в лужи, ни в едва прикрытые гнилыми досками сточные ямы.

По другой стороне улицы скользила Тень. Серая, изломанная. Прыгала с одной размазанной ругательствами стены на другую, на миг растворяясь в темноте выбитых окон. Исчезала в подворотнях. Мелькала на фоне развороченных телефонных будок. Частой рябью пропрыгивала по штaketинам заборов. И вновь стелилась вдоль стен.

Тук-тук-тук.

Быстро шла молодая женщина, а за ее спиной кралась Тень. Неразличимая в этом мире, будто окуроч в гряде мусора.

Улица оборвалась пустырем. На мгновение женщина скрылась под чахлыми кронами посадки и появилась вновь уже у самой Стены. Маленькая черточка на фоне голубеющей стеллитовой громады.

Черточка двигалась, ползла вдоль основания Стены и вдруг исчезла. Совсем.

От изломанного ствола отлепилась Тень и побежала желтой глинистой дорожкой, вихлявшей вдоль прямой линии камня. Рядом с желобком тропы – ни травинки. Ничто живое не выдерживало соседства со Временем. Лишь в двух-трех шагах от Стены пробивались чах-

лые стебельки и молодые глупые деревья пытались подняться вблизи от стеллита. Взрослые деревья держались подальше, да и то расплачивались желтыми прядями веток, обращенных к каменной вечности.

К отрезку тропы, на котором исчезла женщина, Тень подкралась театральной куклой – вся на ниточках шорохов, стуков, запахов.

Постояла без движения. Выломала сук с рогаткой на конце и начала простукивать камень. Льдистый материал беззвучно поглощал удары. Вдруг палка провалилась в Стену, как в расплавленный металл, без малейшего сопротивления. Тень еле успела отдернуть руку – рогатины не было, а обуглившийся на конце огрызок палки дымился. Широкий овал на поверхности стеллита, на первый взгляд неотличимый от других его участков, чуть мерцал, как экран биокома. Здесь явно был ход в Стене, но только не для простых смертных из живущих под солнцем.

Быстро-быстро осеняя себя знаком семи, Тень метнулась к кустам и, лишь только поравнялась с первым из них, стала невидимой.

Вскоре к чахлой посадке, которая отделяла Стену от поселка, стал подтягиваться известного сорта народ. Замелькали звероподобные физиономии, рубчатые рукоятки сканферов, торчащие из-за поясов, бороды, трубы ракетометов. По одному, по двое, они все подходили, и подходили. Их становилось все больше, может быть, не очень хороших, зато отлично вооруженных людей.

ЙОЗЕРСКИЙ ЦЕНТР ФИЗИЧЕСКОЙ ХИМИИ

Стоящая перед каменной аркой с такой надписью молодая женщина явно не знала, что ей делать дальше, куда идти. Ни одного указателя, ни единой таблички. И по семи радиусам разбегаются в стороны веселые аллейки из кустов в крупных оранжевых цветах.

Ветрено. Солнечно. Ни души. На залитых светом песчаных дорожках – никого. Научный городок, казалось, вымер.

Поправив белый спектр, прикрывавший ее лицо, молодая женщина наудачу двинулась центральной аллеей, и почти сразу ей повезло. Стэлсов через сто она наткнулась на бородача в белой тоге ученого. Ученый шлепал сандалиями, жевал бутерброд и читал журнал. На вопрос брюнетки он, не отрываясь от чтения, величественным жестом указал рукой на отдельно стоящее зданьице, но потом все-таки не выдержал – поднял голову ей вслед. С явным одобрением бородач осмотрел стройную, сильную фигуру брюнетки, а затем вновь набычился в страницу и пошлепал себе дальше.

Гостя городка пересекла изумрудную полянку и остановилась перед белым, игрушечного вида домиком с грозной табличкой на двери:

ЛАБОРАТОРИЯ СИНТЕТИЧЕСКИХ МЕТАЛЛОВ
ИДЕТ ЭКСПЕРИМЕНТ!
ОПАСНО!
НЕ ВХОДИТЬ!

Гостя вошла.

– Подожди чуть-чуть. Сейчас серию закончу, и пойдем обедать.

Сидящий за столом молодой ученый головы не поднял и от занятия своего не оторвался. Щелчками большого пальца он подбивал вверх медаль из желтого металла, смотрел, на какую сторону она упадет, и отмечал результат на листке бумаги. Если это и был эксперимент, заявленный на входной табличке, то он был достаточно оригинален для такой лаборатории.

Ни улыбки. Ни одного движения. Гостя в белом спектре, прислонившись к дверному косяку, ждала окончания опыта. Ждала с таким видом, будто в ее распоряжении была вечность.

Медаль звонко упала на пол, и ученый поднял голову. Он понял: в лабораторию зашел совсем не тот человек. На вид экспериментатору было лет двадцать.

– Иногда полезно проверить мировые законы, – пояснил он, скорчив гримасу, и тут же скомкал и выбросил в корзинку листок с результатами «опыта». Вид у него был словно у студента, пойманного со шпаргалкой.

Гостья не шевельнулась.

Тогда молодой ученый распахнул громадный фолиант, под которым затрепал стол, и, насвистывая, стал читать, но, видя, что молодая женщина не уходит, повторил свою гримаску:

– Вам, наверное, косметологический центр нужен? Так это дальше: за угол и мимо каменных зверушек. Там еще будут поющие фонтанчики.

Женщина ответила:

– Эксперименты над соединениями со сверхотрицательным катионом и сложным анионом, а также результаты исследований лаборатории «Синтетических металлов» в области химии инертных газов – вот, что меня интересует.

– Ого. Вы уверены?

– Да. Я агент бюджетного подотдела по науке при Министерстве обороны. Вы Аулерик Карт? Мне поручено принять решение по вашим заявкам.

– Санфар меня раздери! Что же вы сразу не сказали? Прошу! Да вы садитесь, садитесь.

Молодой человек бросился разбирать завалы на кресле перед столом: полетели бумаги, обиженно загрохотал в сторону криогенный бидон. Наконец кресло, одну ножку которого заменяла стопа реферативных журналов, было освобождено, и гостья, не без опаски, принялась в нем устраиваться. Ученый тараторил:

– Где вы раньше были? У меня как раз начинаются решающие эксперименты. Да вы не бойтесь – оно выдержит. Я уже и забыл о своих заявках, послал тогда по нескольким адресам наудачу, но надеялся именно на военных. Столько времени прошло. Думал, потеряли давно мою заявку.

– В нашем подотделе никогда и ничего не теряют.

– Тогда – не обратили внимания...

– У нас на все обращают внимание.

– На все есть определенный порядок? О, не сомневаюсь. Но увидеть столь очаровательную девушку я не ожидал. Агент Министерства обороны – разве это работа для такой красавицы?

В лице гостьи ничего не дрогнуло. Строго сжатые губы. Хищный белый спектр на лице. Женщина молчала, предоставляя молодому ученому время почувствовать всю неуместность его комплиментов.

– Работа эта как раз для меня. У вас еще будет возможность в этом убедиться. И учтите, я сюда пришла не для светской беседы. Я эксперт, которому поручено определить степень перспективности вашей работы в области химии инертных газов. Разумеется, с учетом специфики нашего министерства. И ключевое слово здесь – перспективы. Прежде чем отвечать, уясните, что от этого разговора зависит очень многое. Итак, я слушаю: каковы перспективы исследований?

Поднявшись, Аулерик подобрал свою медаль и стал задумчиво подбрасывать ее в воздух.

– Перспективы, говорите? О, этого у меня сколько угодно! Перспектив у меня до небес! По горло. Девать некуда. Груды. Полные ящики. Только поймут ли все эти перспективы в вашем солдафонском министерстве, если я уже преодолел потенциал криптона – 14 электрон-вольт. А с помощью фтористого золота окислил даже аргон! В такую штуку вообще мало кто верил. Фантастика – преодолеть потенциал аргона! И фантастика вдвойне – окислить инертный газ соединением золота! Ведущие химики Юга, эти старикашки с заскорузлыми мозгами, не хотели верить, что именно фтористое золото является сильнейшим окислителем. А я

это доказал! И этого мало. Здесь только и открываются настоящие перспективы. Но ведь все подробности я изложил в заявке. Неужели нельзя было ее внимательно прочитать!

– Меня не интересует потенциал аргона. Мне не интересен даже потенциал гелия. Меня интересует ваш потенциал. Что вы можете конкретно дать нашему министерству?

– Понятно. Вам важен военный аспект, требуется новое оружие. Не волнуйтесь, военные перспективы изумительные, а может быть, и абсолютные.

Гостья отрицательно покачала головой.

– Вы ошибаетесь, если думаете, что наш разговор носит формальный характер. Говорите конкретно. Я пойму. И помните, от этого разговора зависит вся ваша жизнь.

– Бросьте! У меня есть публикации, кое-какое имя, отличные результаты, медаль вот получил, так что деньги на исследования я найду и без вас. На самом деле не вы мне, а я вам нужен. Да-да! Вообще, вы догадываетесь, кто перед вами? Кто я такой?

Медаль со звоном полетела на полку, заставленную ретортами. Молодому ученому не стоило поддаваться на провокации. Ему вообще было бы лучше прикусить себе язык, чем в таком тоне вести разговор с сегодняшней гостьей, но он уже был не в силах остановиться.

– Думаете, я обычный ученый? Лабораторная мышь? А вы хотя бы понимаете, в какую игру мы играем с природой? И почему я, физик, ушел в химию инертных газов? Окислить ксенон, потом криптон, следом аргон? Чепуха! Мне нужен большой результат, результат любой ценой. Мне нужна настоящая – мировая слава. Да, я получил окислы инертных элементов, хотя в это никто не верил. Я даже окислю неон и гелий, что будет уже совсем невероятно. Их не берет даже шестифтористое золото, да-да, именно золото, самый сильный на свете окислитель, но я все равно докажу, что нет абсолютно инертных элементов. Вот она, моя игра с природой, понимаете? Это как вложенные друг в друга сундучки. Открыл один сундук, а в нем – очередной, с еще более хитрым замком. Вскрыл сундучок, а внутри еще один, но уже с совсем мудреным замочком. И так Создатель играет с учеными до бесконечности. Точнее – играл. Со мной этот фокус не прошел. Если честно, мне страшно повезло. Мне повезло больше, чем создателям стеллита, а если вы хоть чуть-чуть знакомы с историей науки, то понимаете, о чем я говорю. Там, где химик остановился бы, я развил теорию резонансных соединений в тонкой структуре материи. В этой теории получаются совершенно безумные и замечательные вещи: там пропадает пространство-время, а вещество окисляет само себя. Только представьте себе: самоокисление материи. Это ведь похлеще аннигиляции – вещество, сжигающее самое себя! В итоге оно переходит в новое, неизвестное состояние праматерии. Вот вам оружие. Самоликвидация материи – красота! Если моими самоокислителями дооснастить обычные тектонические бомбы, ими можно будет уничтожать не только стеллополисы, а целые материки! Вам понятно? Вот они – настоящие перспективы.

Паренек перевел дух.

– Выходит, я заглянул в самую лабораторию господ бога, расколол последние кирпичики его праматерии и до дна выпотрошил его последний сундучок. Может, теперь я и есть бог? Ха! Ерунда! Что там бог? Я теперь выше бога, раз могу уничтожить им созданное, Санфар меня поberi!

Довольный, он расхохотался. Долговязый, нескладный, нелепо размахивающий руками бог. На гостью, молча наблюдавшую за ним, он не посмотрел, а напрасно. При упоминании имени Владыки Царства Мертвых агент Министерства обороны недовольно поморщилась.

– Хорошо, – сказала она, – вы меня убедили. Деньги мы вам дадим.

– Спасибо.

– Не перебивайте. Свои стэлсы вы получите не за проект, а за отказ от него.

– Не понимаю.

Судя по виду паренька, он действительно ничего не понял.

– Я объясню. Нашему ведомству не требуется абсолютное оружие.

– Почему? Это пахнет предательством. Вам не нужна победа над Севером? Или людей жалко?

В последний вопрос он попытался вложить всю возможную иронию.

– Странно, для ученого вы слишком медленно соображаете. Невозможно уничтожить северный магнитный полюс, не уничтожив южный, а если наши военные могут усилить оружие, то... Не людей жалко – планету. Стоит на три порядка усилить тектобомбы, и вулканизм уничтожит жизнь на Арар. Теперь ясно, почему надо закрыть ваши исследования? Условия денежной компенсации мы можем обсудить прямо сейчас.

Молодой ученый упрямо покачал головой:

– Стэлсы здесь ни при чем. И если не я, то кто-нибудь другой сделает это открытие.

– Не сделает. Подумайте о своей ответственности.

– Ученый не отвечает за применение своих открытий.

– А если он – бог? Или, извините, выше бога? Разве бог не в ответе за те ящички, которые он открывает? Или вы не бог вовсе, а просто ловкая обезьянка, натасканная вскрывать опасные сундучки? Говорите, что же вы замолчали?

Молодой ученый надолго задумался. А когда заговорил, то слова подбирал самым тщательным образом.

– Я не могу предать свои идеи. Они уже часть меня. И я получу реакцию самоокисления. Мне нужен этот результат.

– Самоуничтожения материи захотелось? Хорошо. Ваше право на исследования я не отрицаю и хочу сделать вам подарок.

Щелкнула сумочка – агент извлекла из нее треугольную пластину зеленого камня. Отполированная, вся в разводах пластина переливалась в ее руках, а в самом центре неведомого камня горел голубой огонек.

Гостья взмахнула рукой, и по всем предметам в комнате запрыгали искры.

– Я могу прямо сейчас в вашей лаборатории провести реакцию окисления гелия, на что у вас ушло бы лет десять работы, но я не стану этого делать. У меня есть подарок получше. Здесь результаты ваших исследований на двадцать лет вперед с итоговыми формулами самоокисления. Я вам дарю целую жизнь.

Она швырнула на стол биокомовский диск и быстро вышла из лаборатории. Фанодиск медалью прыгал, звенел на столе, но молодой бог не торопился вставить этот подарочек в свой биоком. Облизывая губы, он замороженно смотрел на свою судьбу. Бог был умен – он испугался и не торопился прочесть диск. Он чувствовал смертельность соблазна в замене двадцати лет каторжных трудов на нажатие одной кнопки.

Тук-тук-тук.

Арка Центра физической химии осталась за спиной. Молодая женщина в хищном белом спектре стучала каблучками по солнечной улице Будущего, к каменным зверушкам, вокруг которых играли дети.

Когда она проходила мимо детской площадки, прогремел взрыв. Над деревьями центра мелькнули балки и крупные камни, поднялось облако пыли, которое тут же ухватил ветер и весело поволок в сторону. С такой бойкостью Санфар хватает душу зазевавшегося грешника, чтобы утащить ее в Царство Мертвых. Смерть поправила спектр и заторопилась по своим многочисленным делам.

Парочка блюстителей вышагивала загаженной улицей Настоящего.

Раскормленные ряшки, перекошенные на одну сторону ухмылками. Мятые мундиры в пятнах пота. Брюхи – грушами, под которыми болтаются дубинки. Быки. Стражи порядка. Столпы закона. Лица блюстителей лоснились тем довольством собой и миром, какое бывает у бродячих псов, которые наконец обрели сытую помойку.

Улица напряглась. Завидев блюстителей, некоторые мелкие торговки – все как на подбор дородные и грузные тетки – козочками помчались прочь.

Вдруг блюстителей развернуло в переулок. Тот был перекрыт баррикадой из досок, мусорных баков и рекламных щитов. Смахивающий на бродягу тип, с сигаретой, приклеенной, к нижней губе, деловито снимал с петель дверь магазинчика, явно собираясь и ее отправить в общую кучу.

Для порядка ткнув дубинкой под ребра не успевшего убраться с дороги инвалида, блюстители двинулись прекращать самоуправство на своей территории. Рыча, подлетели к баррикаде, заглянули за нее, и вдруг – куда все делось? Морды блюстителей вмиг стали подбостранно маслеными, и стражи порядка, пятясь на цыпочках, стали отбирать назад, к углу улицы, где их как ветром сдуло.

Притихшие было за баррикадой бандиты дружно заржали. Потом вернулись к своим делам. Кто собирал сканфер, кто храпел, а сидевший чуть в сторонке паренек возился со своим пиджачком.

– Отдохни, Тускляк. На хрена тебе эти железки да чурки ладить?

– А он себе второй скелет делает. Свой-то чахлый.

– Пивка лучше глотни. Чего тебе, ребер не хватает?

Прихлебывающий пиво из банки бородатый и белозубый бандит протянул ее Тускляку, но тот покачал головой. Тускляк, а это и была Тень, которая днем кралась за Смертью, продолжал методично крепить на изнанку своего сюртука проволоочки, железки и веточки. Закончив работу, паренек вывернул пиджачок на лицевую сторону, надел его и стал внимательно оглядывать себя в зеркальце. Оставшись довольным, принялся ладить железки на изнанку кепочки.

– Так зачем тебе второй скелет, дурачок? – не отставал бородач, а так как Тускляк ничего не ответил, бандит пинком сбил парнишку с камня, на котором тот пристроился. Тускляк поднялся, отряхнул одежду. Все ждали, что будет дальше. Кто-то отодвинулся, но паренек ответил беззлобно:

– Это делает меня невидимым. Даже для Смерти.

– А зачем тебе быть невидимым, Тускляк?

– Выжить хочу. Шпынь, Укус, Костыль, Мосол, Винт – все, кто пытался пасти Смерть, где они? То-то. А я жить хочу.

Бородач оскалил свои ядренные зубы:

– Жить он хочет. Ну и мерзость ты придумал, Тускляк. На хрена тебе такая жизнь? Ты не пьешь, в карты не играешь, бабы тебя не любят, зачем тебе жить, а Тускляк? Все дрожишь только. Эх, какая ты все-таки мразь!

Выхватив кепчонку, он натянул ее Тускляку на глаза. Тот вырвался, сверкнул мышинными глазенками, но тут же осунулся, забился в угол, где и продолжил колдовать над своей убогой амуницией.

Засада ждала. И никто из бандитов не обращал внимания на голубую стену времени за своей спиной.

Белозубый сказал:

– Недолго Смерти шастать осталось. Ишь, наладилась шнырять в Будущее. Ходит туда, как на работу, сволочь.

– Доходится. После того, как эта стерва Бледа закомахала и выбила ему все визитки, – он злой.

– Тихо! Начинается, – первым заметил главаря старый бандит.

Сверкая на пятьсот стэлсов вокруг новенькими золотыми зубами, Блед принялся раздавать команды. Засада вмиг ошетижилась стволами.

Из-за угла появилась знакомая женская фигурка. Это была Смерть.

Первый пунктир из фонтанчиков пыли у ног Смерти, второй, и вот уже баррикада разразилась ураганным огнем.

Смерть повернулась в сторону нападавших, не обращая внимания на автоматные и сканферные очереди, открыла сумочку, и в ее руке полыхнуло зеленое пламя. Своим зеленым факелом она нарисовала в воздухе белый треугольник и осторожно полезла в него.

– Огонь! Быстрее! – страшно орал Блед, стреляя с двух рук, но было поздно.

Воздух стекленел на глазах. Заряды бесполезно били в размывающийся контур. Еще было видно, как Смерть взялась рукой за вершину треугольника и с силой крутнула его, словно винт самолета, а потом ее фигура исчезла в глубине зеркального пузыря.

Разгоняя в стороны клубы пыли, белый треугольник раскрутился в огненный диск, разбух, а когда уперся в стены домов, запульсировал и двинулся прямо на бандитское заграждение.

Пыхнуло жаром.

Выстрелы смолкли. Бандиты попятились. Но прежде чем горячая стена ударила в баррикаду, через общую суматоху зигзагом мелькнула незаметная тень и двумя рывками втянулась в дыру в стене, величиной чуть больше фотографии из семейного альбома.

Пульсирующая волна катила бандитов переулком. Напрасно они пытались спрятаться, зря хватались за столбы. Упругая волна хватала все живое, нежными, но настойчивыми толчками выталкивала на дорогу и катила перед собой, оставляя валяться на дороге пулеметы, сканферы, пистолеты и прочий мусор. Вываляв в пыли всю банду, волна последним пинком выбросила этот ругающийся, стонущий клубок бандюг на пустырь.

Потеряв опору стен, диск замедлил свое бешеное вращение, резко увеличился в размерах, после чего стал разваливаться на куски. Мощный хлопок ударил по крышам, по деревьям, да так, что вверх полетели обломки сухих веток, куски черепицы, и волна с треском ушла в небеса.

Хорошо поработала волна. Все члены банды, кроме двух человек, живехонькие, но изрядно помятые, кряхтели и проходили в себя на пустыре. Не было видно Тени. Ну и жизнерадостный бородач остался лежать в переулке, неизвестно чему скалясь своими ядреными зубами, с куском остро заточенной проволоки в левом боку.

Начинало смеркаться, когда Смерть добралась до своего логова – старого заброшенного храма. Не оглядываясь, она приоткрыла железную дверь и исчезла за ней.

Вскоре от кустов отклеилась Тень. Приникла к двери. Прислушалась. За железом ни звука. Тень осторожно потянула ручку на себя, и почти сразу раздалась приглушенная, но отборная ругань.

Перед Тенью вновь была стена. Пусть на этот раз не стеллитовая, а кирпичная, но – глухая, вековой кладки стена.

Глава 8

СЛУЖБА АРКИ

Катастрофа на таврском участке Северной Суперстены! Демонстрация йози: йози бьются за наше счастье – разбит один нос. Лорд Юббо разводится! Фото смазливового дружка его жены только у нас! Страшное наводнение на южном побережье Хатускона. Погибло больше ста тысяч человек. Новые комфортабельные парусники приступают к полетам на Фесту. Цены снижаются – луна любви становится ближе! В Черном квадрате обнаружена еще одна подпольная мастерская квазиденег. Куда смотрит армейское правительство?

Бруно снял наушники и стал массировать лицо.

Опять – пусто. Четвертую неделю он ищет в фано убийц тигра, а результатов никаких. Джагри словно ослепло. А ведь нобиль Тэт дал Бруно ровно месяц на то, чтобы назвать имена охотников на тигра.

Служба искала именно охотников. Никто не сомневался, что молодая женщина, оставившая свои волосы в лапе тигра, была всего лишь козочкой-приманкой. Она подманила хатусконца. А потом из засады вышли усатые и матерые охотники.

Так считал нобиль Тэт.

Только ничего не получалось. Предзнание заснуло, не видя и намека на пресловутых охотников, словно их и не было никогда в Будущем.

А может, рассмотреть парадоксальные варианты? И тигра никто не убивал? Хорошая идея. Это он сам бросался лбом на каменные вазы, ломал телом кусты, бился лицом в камень брусчатки. Такой вот оригинал.

Мелодичный сигнал биокома напомнил: Служба требует, чтобы ее служащие работали, а не думали.

В лабиринтах Норта Верде замечен гигантский червь. Сенсация из Пирамиды! Ученые уверены, что открыли месторождение лакташии прямо в Йозере Великом! Вести из Настоящего: в Настоящем все нормально – убийства, воровство, скандалы. Внимание! Новое суперзрелище на вертикалке. В прошлом выпуске новостей допущена ошибка: вместо дружка жены лорда Юббо мы дали фото дружка самого лорда Юббо. Лорд, примите наши извинения и поздравления! Конфликт за порты...

Когда Бруно приступал к заданию, все виделось гораздо проще. Джагри обязано было сработать при малейшем прикосновении к информации, связанной с охотниками на тигра. Дальше оставалось только идти по цепочке следов. Как обычно. Но как обычно не получалось. Д-знание молчало, будто ликвидировали тигра какие-то охотники-невидимки.

Власти опровергают информацию о новом месторождении лакташии. Значит, это правда? Наводнение в Тарском районе Арки. Новая модель биокома – это разум? Готовится соглашение по разделу Мо. Оппозиция обвиняет федеральное правительство в предательстве. Очередная свадьба лорда Юббо – подробности только у нас! Новый план уничтожения Черного квадрата. Взрыв в лаборатории синтетических металлов! Погиб молодой ученый. Чересчур удачный эксперимент? Корпорация «Омега-Ф» выбросила на рынок исчерпывающий комплект фанодрузей. Отныне можно подобрать полную фаносемью. В Торе обещают рассмотреть законопроект, который узаконит ф-семьи.

Мягкие ладошки закрыли молодому человеку глаза.

– Сейчас, Линка. Иду. Только досмотрю новостной блок.

Ладошки исчезли.

– Опять угадал. А я ведь от самого лифта не смеялась! Смотри, Бруно, будешь всегда угадывать, станем к тебе относиться, как к Гериаду!

Кресло кругнули, и Бруно увидел перед собой улыбающееся круглое, в медных кудряшках лицо Линки. Она грозила пальчиком. Пришлось Бруно виновато развести руками. Будто ее пухлые, всегда теплые пальчики можно было перепутать с чьими-то.

– Бросай все, и пошли обедать. И так мы последние.

Выключать биоком не хотелось – только мелькнул некий намек на что-то интересное – но с Линкой спорить бесполезно. Ведь она была не только милой хохотушкой, но и его непосредственным начальством.

Информационный фанодепартамент Службы пустел на глазах. Только что громадный сферический зал на семь уровней, со свободной пространственной планировкой и множеством эскалаторов, уходящими куда-то вверх, к кабинетам нобилей, гудел, словно улей, от работавших в нем сотен и сотен операторов, а вот уже последние из них разбегались к лифтам. В основном операторами работали молодые девчонки, и такого количества молодых и симпатичных девушек, собранных в одном месте, нашему визкапу видеть не доводилось. Достаточно сказать, что в Линкином фаносекторе, занимавшемся поиском охотников на тигра, Бруно был единственным мужчиной.

Ошиблась слепая судьба. Ей бы направить сюда Осиса.

Впереди мелькнули золотые волосы знакомого солнечного оттенка. На этот раз Бруно видел не сон. Осторожно, чтобы не заметила Линка, визкап ускорил шаг. Еще оставался шанс догнать золотые волосы до транспортной площадки. К счастью, кабинки задерживались, но заглянуть в золотое облако никак не удавалось.

Наконец подлетело несколько кабин, и в толчее Бруно все-таки успел рассмотреть лицо девушки. Чуда не произошло. Это была не Золото. Утешало только то, что начальство сразу нацепило спектр и наверняка ничего не заметило.

Пассажиры лифта жевали жвачку с лакташи. Без этого безвредного наркотика, укреплявшего нервную систему, невозможно было выдержать бешеный темп фано. Лица всех пассажиров закрывали спектры. Наш визкап так и не привык к этим штуковинам. В провинции ими почти не пользовались, зато в стеллополисах...

Началось все лет пятьдесят назад.

Тогда стало очевидным, что проблема безопасности для автоэров в принципе неразрешима и массовым видом транспорта им никогда не стать. Выход был найден в создании глобальных лифтовых систем. Вскоре придумали и спектры, придумали как игрушку, как развлечение в лифтовых поездках. А закончилось тем, что спектры почти вытеснили биокомы.

Лифт выбросил молодых людей на площади перед Столпом, у одного из многочисленных кафе.

За столиком Линка сразу спросила:

– Тебе понравилась наша новенькая? По-моему, ты так еще ни на кого здесь не смотрел.

– О ком ты?

– О рыженькой. Могу познакомить.

– Спасибо. Не надо.

– Ты уверен?

Не зная, что ответить, Бруно замялся. На его счастье, Линку отвлекла проходившая мимо компания. Такое случалось часто. Линка обладала завидным характером и умудрялась дружить со всеми, причем каждому казалось, что именно с ним она дружна по-особому. А уж смеялась Линка звонче всех и любой шутке. Ее смех был одной из достопримечательностей Столпа, и у очень многих, услышавших его впервые, мелькала мысль, что жизнь прожита как-то не совсем так. Порой, когда работа в каком-нибудь секторе не ладилась, Линку просили зайти и просто посмеяться. Помогало.

– Завтра вечером я с девчатами и межевиками иду на аэрбол, пошли с нами. Матч интересный – полуфинал, – Линка снова повернулась к молодому человеку.

– Спасибо. Завтра не могу.

– Опять. А ведь у тебя проблема, Бруно. Большая проблема. Знаешь, какая?

– Не знаю. И не хочу знать.

– Проблема твоя в прозвище. Знаешь, какое прозвище ты получил в нашем секторе?

– Нет. И не хочу знать.

Напрасно Бруно пытался остановить напор милейшей шефунни. «Проблема» – это было любимое слово Линки, решение проблем – любимым занятием.

От удивления чуть не захлебнувшись на холостом ходу, маленький симпатичный бульдозер навалился снова:

– Да как же так! Тебе должно быть это интересно!

– А мне неинтересно.

– Монах. Бруно Монах! Вот как тебя называли! А ведь мы живем на юге Юга: здесь принято брать от жизни все, радоваться, улыбаться. Разве не так? И я хочу, чтобы ты был полноценным членом нашего коллектива.

Постнейшим выражением лица, какое бывает только на вечерней читке коанов, Бруно постарался показать, насколько ему стыдно.

Разумеется, Линка была права. Он знал об этом. Тысячу раз права. Надо общаться, надо дружить, но Санфар поberi, как же все-таки скучно было ему с ее подружками!

«Представляешь, он такой красавчик: стэлса два ростом, получает почти тысячу стэлсов в месяц, а выглядит на миллион стэлсов!», «А у него аэр последней модели, наверное, тысяча за пятьдесят стэлсов, да и у его отца на стэлсах не один миллион стэлсов». И все разговоры в таком же духе: стэлсы, стэлсы, последние модели, и снова стэлсы, стэлсы, стэлсы – ну не хватает на них никакой вечности в душе. Наверное, тебе так и суждено навсегда остаться провинциалом. Нет, к этому привыкнуть невозможно, что и рост, и вес, и ум, и уж тем более доход – все надо измерять в стэлсах.

– А может, тебе стоит завести фанодрузей? – Линка явно собралась осчастливить его сегодня и окончательно. – Сейчас выпускают модели на любой вкус, не только развлекательные. Теперь можно купить и верующих ф-друзей, ты бы с ними беседовал о боге, о вечности. Давай мы всем сектором тебе спектр подарим. Последней модели!

– Спасибо. Мне не скучно с собой.

– А с фанодрузьями весело! Теперь некоторые ф-корпорации их даже бесплатно предоставляют вместе со спектром.

– Чтобы ф-друзья между делом навязывали мне нужные товары?

– Ф-друг плохих товаров все равно не предложит – это программно запрещено.

– Извини. Видно, я еще не дорос до фанодрузей.

– Они есть у всех. А если требуются друзья из реальности, то все равно без фано их не найти. Скопируй себя, закажи фано-я, и оно тебя познакомит с десятками людей, близких по интересам, образу мыслей. Впрочем, все равно большинство моих подружек предпочитает ф-друзей.

– Не сомневаюсь. Только я не люблю спектры.

– Почему? Их все любят. В них мир такой яркий, красочный. Не понимаю, как вообще ты умудряешься обходиться без спектра. Ведь без него в Йозере просто нельзя жить.

Бруно устал пожимать плечами.

– По-моему, я еще живой.

– Живой? – Даже экранчик на глазах Линки не мог скрыть, каким сомневающимся взглядом она смерила своего непонятливого подчиненного. – Еду, одежду, жилье – у нас все выбирают с помощью спектра. Например, в этом кафе хорошо обслуживают, но ведь эту информа-

цию я моментально получила в фано, прочитала отзывы и решила посещать именно его. Как иначе ты все это узнаешь без спектра?

– Это не так и сложно.

– Ой ли!

– Во-первых, всю информацию я могу получить в биокоме...

– Ерунда! Биокомы устарели. Спектром я управляю зрачками, а работая за биокомом, надо нажимать на кнопки да клавиши, словно дикарю какому-то. Да это и тяжело – перебирать пальцами!

– Во-вторых, посмотри на официантов, на кухню – ничего не замечаешь?

– Нет.

– Присмотрись: персонал выглядит безукоризненно, встречает приветливо, кухня вся сверкает чистотой – по всем приметам, мы попали в хорошее кафе. Ну и зачем мне спектр?

– Тебе приходится наблюдать, думать, анализировать, а в спектре всю информацию получаешь сразу. Ты так до каменного века докатишься!

Глаза девушки сверкали от возмущения – она даже спектр сняла, наверное, чтобы убедиться в реальности столь непонятливого оппонента. А тот и вовсе обнаглел.

– Послушай, а если поступить наоборот? Линка, у тебя красивые живые глаза, стоит ли закрывать их экраном? У кого в глазах пусто – понятно, но тебе зачем? Разве интересно смотреть на мир сквозь чужую голову? Почему бы не увидеть мир таким, каков он есть? Он не такой уродливый и серый, как порой кажется после спектра.

На столь безумное предложение Линка сразу не нашлась что и ответить. Она захлопнула глаза спектром, набрала в грудь побольше воздуха, но стереть в порошок зарвавшегося подчиненного не успела – налетели подружки. Обед закончился, надо было мчаться на работу. И Бруно остался цел. На бегу он даже умудрился отпроситься в пошивочную мастерскую Службы, где его давно ждал новенький мундир.

Отпустив визкапа, Линка помчалась вместе с девчонками из своего фаносектора к лифтам. Даже издали она выщелялась в толпе маленьким ростом и длинной, немодной юбкой. Принцип «чем ниже должность, тем выше юбка» в данном случае был ни при чем. Так ей приходилось скрывать непропорционально короткие ноги. Впрочем, а Бруно не раз Уже в этом убеждался, тому, как к Линке относились в Столпе, могли бы позавидовать и самые длинноногие красавицы.

К удивлению молодого человека, мундир опять оказался не готов. Прийти за ним попросили через недельку.

Возвращаясь бесконечными коридорами Столпа к своему рабочему месту, Бруно размышлял, что бы это могло значить. В куртке монаха, со знаком Службы поверх вышитой секирки, он раздражал и высокое начальство, и рядовых сотрудников. Не раз получал замечания от незнакомых нобилей. К тому же другие офицеры, пришедшие в Столп одновременно с ним, мундир получили в два дня, а он за своим ходит три недели и все без толку.

Если сюда добавить назначение в фаносектор на совсем не офицерскую должность, да еще в подчинение девчонке, не имеющей даже чина бригады, – неласково его встретила хваленая Служба.

Вдруг мир полыхнул клетчатым черно-белым цветом. Дымчатые тени змеями затанцевали по углам. Предзнание проснулось. Отгоняя все посторонние мысли, Бруно попытался сосредоточиться на танцующих тенях, но они тут же растаяли. Снова ничего не получилось. Что-то неладное творилось с его джагри. Но что? Отчего так странно ведет себя предзнание при поиске охотников?

Звонок биокома зачеркнул все вопросы. Визкапа Бруно вызывали к нобилю Тэту на срочное совещание, будто у нобилей Тэта бывали совещания не срочные. На бегу наш визкап заме-

тил, что время прихода сообщения практически совпадает со временем начала совещания. Кто-то очень хотел, чтобы он опоздал.

Бруно помчался к лифтам изо всех сил.

– А-а, известный всем нам визкап Бруно. Как всегда, последний и, как всегда, не в мундире. Визкап так торопится сесть? Может быть, визкап все же позволит нам задать один вопрос?

С лимонной гримасой на лице нобиль Тэт нанизывал молодого человека на свой острый птичий взгляд, как какую-то дохлую бабочку.

– Может быть, отважный визкап все-таки доложит нам что-нибудь новое по делу, которое ему поручено?

– Никак нет, гозт нобиль Службы.

– Я так и думал.

Отпущенный кивком начальственной головы, Бруно поспешил занять место в задних рядах собравшихся офицеров.

Начальные доклады не содержали ничего нового – Тэт вообще любил приберегать сюрпризы к концу совещания. Оставалось терпеливо ждать, когда перейдут к новой информации.

Старой информацией было ее полное отсутствие. Стэлсолог, специалист, отслеживающий стэлсовые траектории людей по их покупкам и тратам, как раз докладывал, что никаких следов охотников их сектор не обнаружил.

Следил Бруно в основном не за докладчиком, а за Тэтом. Нобиль мог в любое мгновение поднять любого из офицеров, и тогда будь готов держать ответ.

Тэта наш визкап запомнил с карнавальная ночи. Еще тогда широкие плечи этого невысокого худощавого нобиль с острым взглядом подсказали: он не так прост. И плечи не обманули. Нобиль Тэт был одним из самых известных координаторов Службы Арки, ее легендой.

На свой счет Тэт мог занести немало блестящих операций, но легендой он стал, пожалуй, благодаря своим приключениям в Черном квадрате. По нынешним нежным временам рассказы об этих приключениях звучали сказкой.

Якобы, когда Тэт был молодым межевиком в чине визкапа, он надевал пиджачок, цеплял галстучек, прихватывал очечки и в одиночку отправлялся в ночные трущобы Черного квадрата. И бродил там по улицам, шастал по переулкам, пока не сталкивался с какой-нибудь из многочисленных банд.

Рыщущие в поисках легкой поживы бандиты ну никак не могли утерпеть и не зацепить хилыка-очкарика, который, к их удивлению, не старался убежать, а с удовольствием останавливался и всерьез пытался выяснить, чем он может помочь столь уважаемым и отважным гозтам. Что дальше? Да ничего особенного. Утром канцелярия Службы получала краткий отчет о том, что некая банда Черного квадрата была вынуждена скоростно прекратить свое существование.

Стэлсолога сменил маер-аналитик. Он изложил математический анализ всех фактов агрессии, а для доклада использовал карту Арки со знакомой линией Аланта, пересекавшей материк с севера на юг. Из доклада следовало, что девяносто семь процентов целей агрессии лежат вне Арки. С учетом того, что три процента лежали в области ошибки измерений и методик, получался любопытный и парадоксальный вывод: абсолютно все цели агрессии могли лежать вне материка, и для Арки она бессмысленна.

Офицеры отнеслись к докладу равнодушно, как к любопытному, но бесполезному математическому трюку, а у Бруно мелькнула мысль, что именно этот седой маер подошел к разгадке тайны ближе всех.

Последним взял слово Интий, молодой красавец-межевик, и о математике сразу забыли. Речь пошла о Царстве Мертвых.

Доклад Интия сводился к трем фактам.

Ровно месяц назад в Лабиринте Норта Верде пропала охотничья экспедиция, а с ней и одна из ее участниц, молодая женщина двадцати семи лет. Это был факт первый и тривиальный, ведь известно: не бывает охоты экстремальней и опасней, чем охота на хорогов в Лабиринте. В таких случаях по закону надо ждать семь месяцев, после которых человек считается погибшим, со всеми вытекающими юридическими последствиями. Но группа Интия не стала дожидаться положенных сроков, а догадалась запросить информацию по всем без вести пропавшим

И тут обнаружился факт второй, неожиданный: оказывается, стэлсами якобы погибшей охотницы весь последний месяц активно пользовались, о чем говорит их стэлсовая история с оплатой множества покупок и услуг. Свидетели подтвердили, что стэлсами пользовалась или сама охотница, или женщина на нее похожая.

Наконец факт третий: сравнение волос брюнетки-козочки с материалами медицинских архивов доказывает с вероятностью в девяносто семь процентов, что это один и тот же человек. К тому же найдены свидетели, которые видели тигра, идущего в обнимку с женщиной в маске Смерти.

На закуску к фактам Интий изложил выводы своего отряда. Никаких охотников не было. Не было и козочки-приманки. Ведь не обнаружено никаких признаков засады. А с тигром расправилась именно та охотница на хорогов, которая исчезла вместе со всей экспедицией месяц назад. Именно она нацепила маску Смерти и убила северянина. По хатусконской мифологии тигры – это подручные смерти. Выходит, на этот раз тигр на свою голову поссорился со своей хозяйкой.

Насколько тихо было во время доклада Интия, настолько шумно стало после него. Тэт сразу закрыл совещание, оставив у себя лишь нескольких человек, а вышедшие из кабинета офицеры принялись обсуждать новость.

Никто не сомневался в печальной участи пропавшей экспедиции. Сгинуть в Лабиринте – это прямая дорога в Царство Спасенных, если ты святой, и в Царство Мертвых, если ты заурядный грешник. Общее мнение офицеров сходилось к тому, что здорово, выходит, налажена боевая подготовка в Царстве Мертвых, если после месяца тренировок обычная женщина смогла разделать под орех имперского тигра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.